UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
BOOKSTACKS

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/polnoesobranieba00khem_0

12854
2 ml
2.
2442
2708
3 ow
7666

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА — 13

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ И СКАЗОКЪ

И. И. ХЕМНИЦЕРА

СЪ БІОГРАФІЕЙ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

STUDJUM TEOLOGJI PRAWOSŁAWNEJ UNIWERSYTETU WARSZAWSKIEGO
BIBLJOTEKA
1 II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

DUBLET
Dubl. 5723

BIBLIOTEKA W WARSZAWIE

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 декабря 1892 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Z
1946

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.

398.21
K52p
1892

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ХЕМНИЦЕРЪ.

Хемницеры были родомъ изъ Саксоніи; самое имя ихъ—Chemnitzer—указываетъ на ихъ происхожденіе изъ саксонскаго городка Хемница, извѣстнаго своими каменеломнями. Онъ построенъ былъ очень давно славянскимъ племенемъ сербами и назывался сначала Каменецъ. Отецъ баснописца, Іоганнъ Адамъ Хемницеръ, выѣхалъ изъ Саксоніи и кончилъ жизнь въ Петербургѣ инспекторомъ Сухопутнаго госпиталя въ 1789 г. Онъ пережилъ своего сына и по смерти его написалъ для его друзей, что̀ помнилъ изъ дней его юности. По словамъ его, Ив. Ив. Хемницеръ родился 5 января 1745 г. въ крѣпости Енотаевской—теперь гор. Енотаевскъ—Астраханской губ. Какъ только мальчикъ началъ говорить, отецъ и мать среди игръ стали учить его буквамъ и читать онъ умѣлъ очень рано. Изъ любимыхъ занятій для него было сажанье растеній въ горшки съ землей, пусканье бумажныхъ змѣевъ и рисованье, игрушки же

занимали его мало. Мальчикъ росъ спокойный и задумчивый. «Я не припомню, чтобы онъ въ дѣтствѣ поведеніемъ своимъ когда нибудь прогнѣвилъ насъ», говоритъ его отецъ; иногда только онъ сердилъ послѣдняго своей смѣшливостью. Какое могли, ему родители старались дать образованіе: учили ариѳметикѣ и латинскому языку, а для русскаго взяли особаго учителя. Впослѣдствіи онъ самоучкой уже выучился говорить по-французски и по-итальянски.

Въ 1755 г. семейство Хемницеровъ переселилось въ Петербургъ. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего сына медика, но тотъ, не имѣя и 13 лѣтъ отъ роду, самовольно поступилъ въ рядовые пѣхотнаго Нотебургскаго полка. Однако, особенныхъ причинъ радоваться этому поступку онъ впослѣдствіи не имѣлъ. Офицеръ-начальникъ, который собственно и подбилъ его пойти въ солдаты, оказался человѣкомъ жестокимъ и взбалмошно-придирчивымъ, и, не смотря на заступничество самого полковника, Хемницеру житье было плохое въ это время. Въ 1766 г. онъ былъ, наконецъ, произведенъ въ поручики и черезъ нѣсколько времени перешелъ на службу въ горное вѣдомство. Въ 1774 г. его назначили членомъ такъ называемой бергъ-коллегіи. Ею управлялъ тогда Мих. Ѳед. Соймоновъ, который скоро полюбилъ своего тихаго и трудолюбиваго подчиненнаго. Съ нимъ вмѣстѣ Хемницеръ ѣздилъ, въ 1776 г., заграницу; причемъ былъ въ Германіи, Голландіи и во Франціи, всего заграницей онъ провелъ около года. Отъ этого

времени остался его дневникъ, писанный частью по-русски, частью по-нѣмецки. Въ 1781 г. Соймоновъ вышелъ въ отставку; за нимъ бросилъ службу въ горномъ вѣдомствѣ и Хемницеръ. Раньше этого, вскорѣ послѣ появленія въ 1770 г. его перваго напечатаннаго произведенія, весьма плохой оды на взятіе турецкой крѣпости Журжи, онъ познакомился и потомъ скоро очень подружился съ Н. А. Львовымъ, человѣкомъ литературно-образованнымъ, около котораго группировался кружокъ лучшихъ нашихъ писателей того времени. Черезъ него Хемницеръ сошелся и съ Г. Р. Державинымъ и В. В. Капнистомъ. Ободряемый ими, онъ издалъ первый томъ своихъ «Басенъ и сказокъ». Имени своего на немъ онъ, однако, не поставилъ, боясь непріятностей по службѣ. По той же причинѣ въ этомъ сборникѣ были выдѣлены въ особый отдѣлъ «Чужія басни» двѣ басни, именно: «Заяцъ, обойденный при произвожденіи», намекающая на Л. А. Нарышкина, и «Львиный указъ», переведенная изъ Лафонтена *); противъ кого направлена была послѣдняя, теперь—сказать трудно. Въ 1782 г., благодаря короткому знакомству Львова съ гр. А. А. Безбородко, тогдашнимъ нашимъ канцлеромъ, Хемницеру удалось получить мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Предъ самымъ отъѣздомъ его вышло въ Петербургѣ второе

*) Лафонтенъ (1621—1695)—извѣстный французскій баснописецъ.

изданіе его басенъ. На новомъ мѣстѣ онъ выказалъ такую дѣятельность и энергію, какой не ожидали отъ него и друзья, считавшіе его только за неизмѣнно кроткаго и простосердечнаго человѣка, необычайно разсѣяннаго при этомъ. Въ Смирнѣ онъ быстро заставилъ турецкихъ властей бояться себя, такъ что даже тамошній кади (судья), желая его задобрить, прислалъ ему въ подарокъ расшитые шелкомъ платки и ковры, но получилъ ихъ обратно съ благодарностью какъ бы за доставленіе случая полюбоваться хорошей работой.

Однако, при всѣхъ его служебныхъ успѣхахъ, его страшно тянуло на родину, къ друзьямъ; онъ о томъ только и думалъ, какъ бы «бѣжать» изъ Смирны. Въ предсмертномъ письмѣ своемъ, которымъ онъ отвѣчалъ на письмо Львова, извѣщавшаго, что 24 февраля (1784 г.) его выберутъ въ члены Россійской Академіи, Хемницеръ писалъ объ этомъ: «Теперь потяну еще, пока сможется. Хлѣбъ мой насущный, я знаю, будетъ очень маленькими ломтями рѣзанъ, да была бы только душа сытѣе. Ну, полно. Прости». Онъ умеръ 20 марта 1784 г. Останки его, какъ говорятъ, были перевезены въ Россію и преданы землѣ въ гор. Николаевѣ. Въ первомъ посмертномъ изданіи его басенъ изображенъ надгробный памятникъ, на которомъ написана эпитафія, сочиненная Хемницеромъ для самого себя:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Такой видъ эти стихи получили послѣ поправки ихъ Капнистомъ, Хемницеръ же собственно написалъ для себя слѣдующее:

Живъ, честнымъ образомъ, онъ весь свой вѣкъ трудился,
Но умеръ такъ же нагъ, какъ былъ, когда родился.

Какъ смотрѣли на Хемницера его современники показываетъ «Судъ о басельникахъ» Державина:

Эзопъ, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: ты тонокъ и уменъ,
Второму: ты хорошъ для модныхъ, нѣжныхъ женъ,
Съ усмѣшкой первому сжалъ руку и ни слова!

Жена Львова, Марья Алексѣевна, урожд. Дьякова, отвѣчала Хемницеру на посвященіе имъ ея имени своихъ басенъ и сказокъ *):

По языку и мыслямъ я узнала,
Кто басни новыя и сказки сочинялъ:
Ихъ истина располагала,
Природа разсказала,
Хемницеръ написалъ.

Потомство Хемницера почти забыло, не по заслугамъ однако. Вотъ что говоритъ о немъ историкъ русской литературы, г. Галаховъ, въ своемъ сочиненіи «Исторія русской словесности»:

«Начало русской литературной басни было положено Хемницеромъ... Басни его дѣлятся на переводныя и оригинальныя. Зная нѣмецкій языкъ, онъ не ограничивался переводами изъ Лафонтена, но подра-

*) См. это посвященіе, стр. 11—16.

жалъ также нѣмецкимъ баснописцамъ Лихтверу и особенно Геллерту, причемъ умѣлъ избѣгнуть недостатка басенъ послѣдняго, а именно: многорѣчивой морали, которая занимаетъ иногда цѣлую половину басни. Замысловатая безхитростность или наивность, простота изложенія и языка, въ которомъ встрѣчаются чисто русскіе обороты, составляютъ отличія его басенъ... По содержанію своему басни Хемницера вѣрно отражаютъ его характеръ и жизнь, а также и ту среду, гдѣ ему было суждено дѣйствовать».

Приводимъ нѣсколько анекдотовъ, записанныхъ о немъ Н. А. Львовымъ:

«Онъ однажды П. В. Бакунину за обѣдомъ разсказывалъ за новость ту же самую повѣсть, которую отъ него поутру слышалъ, и какъ П. В. ему сказалъ, что это я тебѣ сказывалъ, братецъ, такъ онъ хорошо поправился, говоря: а я думалъ, что я вашему превосходительству. И какъ онъ въ этакихъ случаяхъ думалъ, что я всегда бываю причиною бѣды, то, въ смятеніи оборотясь ко мнѣ, съ сердцемъ говорилъ: тебя, братецъ, не надобно никогда слушать. Я не зналъ, что̀ это значитъ до тѣхъ поръ, покуда онъ, тотчасъ послѣ стола схватя шляпу и положа въ карманъ вмѣсто платка салфетку, бросился бѣжать домой. Я догналъ его въ сѣняхъ и уговаривалъ дождаться кофе, на что̀ онъ мнѣ съ сердцемъ отвѣчалъ: я бы не сдѣлалъ такого дурачества, когда бы не остался обѣдать.—Да, братецъ, ты теперь другое дѣлаешь.—Ужъ я тебя не послушаю.—Я, давъ ему

выдти на набережную, можетъ не одумается ли, говорилъ ему, что онъ, вмѣсто платка, уноситъ салфетку; это его такъ ошеломило, что онъ, выхватя салфетку изъ кармана и растяня ее въ рукахъ, стоялъ среди улицы какъ одеревенѣлый, покуда примѣтилъ, что мы всѣ въ окошкѣ надъ нимъ смѣялись. Тогда зачалъ смѣяться и онъ, какъ будто отъ нашего смѣху увѣрился только, что онъ не укралъ салфетку, и съ поличнымъ пришедъ опять въ компанію, былъ ужъ веселъ, но встрѣчному и поперечному разсказывалъ свое происшествіе».

Анекдоты Львова о Хемницерѣ въ бытность послѣдняго въ чужихъ краяхъ:

«1-е. Когда онъ купилъ кошелекъ и я на немъ написалъ 1748 года, и онъ повѣрилъ, что онъ старъ.

2-е. Въ театрѣ сидя со мною на репрезентаціи Танкредо*), когда Лекенъ вышелъ амансировать (?), онъ всталъ и такъ ему поклонился въ забывчивости, что весь театръ обратилъ на себя; высокій ростъ его мнѣ никогда не былъ такъ примѣтенъ.

3-е. Живучи въ Парижѣ цѣлую недѣлю, ходилъ онъ каждое утро стеречь, когда Жанжакъ**) выйдетъ изъ дому своего, и, увидѣвъ его одинъ разъ, мнѣ уже покою не было, что я, живучи съ нимъ въ одной комнатѣ, не видалъ Жанжака по тѣхъ поръ, покуда, наконецъ увидя его вмѣстѣ, увѣрилъ я его, что это

*) Т. е. представленіи трагедіи Вольтера «Танкрэдъ».

**) Т. е. Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778), знаменитый французскій писатель.

не Жанжакъ, а учитель графа Строгонова, и по возвращеніи ужъ только въ Спа признался, что это была шутка».

Въ продолженіе первыхъ пятидесяти лѣтъ послѣ смерти И. И. Хемницера «Басни и сказки» его имѣли 10 изданій, кромѣ того, въ 1830 г. вышелъ въ Москвѣ французскій переводъ ихъ, Масле (Masclet); послѣ 1834 г. до 1855 г. онѣ были изданы 26 разъ; съ тѣхъ поръ не было ни одного изданія ихъ до 1873 г., когда ак. Я. Гротъ напечаталъ при Академіи Наукъ большой томъ въ 434 стр.: «Сочиненія и письма Хемницера». Здѣсь баспи и сказки Хемницера впервые явились въ томъ видѣ, какъ ихъ написалъ авторъ, ибо до этого времени ихъ исправляли не только друзья автора, но и издатели. Я. К. Гротъ напечаталъ ихъ по рукописямъ автора, которыя были ему доставлены И. С. Капнистомъ и Г. П. Надхинымъ. Кромѣ 104 отдѣльныхъ басенъ, въ этомъ томѣ помѣщены планы 24 басенъ въ черновыхъ наброскахъ, біографія поэта, 15 писемъ его къ Львову, записная его книжка, «Ода на побѣду при Журжѣ» (1770), «Стихотворный переводъ Письма Барнвеля къ Трумону изъ темницы» Дора (1774), посвященіе М. Ѳ. Соймонову перевода технической книги «Кобальтословіе»; затѣмъ идутъ 2 неизданныхъ сатиры, мелкія стихотворенія и подробная библіографія. Сверхъ того къ изданію приложены портретъ Хемницера и его fac-simile.

Милостивая Государыня!

Лишь только я успѣлъ сказать:
„Ну, басенки мои и сказочки! прощайте,
Васъ требуютъ, и мнѣ васъ больше не держать;
Ступайте.
Пріятелямъ моимъ привыкъ я угождать;
Они меня о томъ не разъ уже просили,
Чтобъ напечатать васъ отдать“.
Всѣ басни съ сказками ко мнѣ тутъ приступили
И, каждая принявъ и голосъ свой, и видъ,
Старикъ мнѣ первый говоритъ:
„Помилуй, что ты затѣваешь,
Что ты безъ всякой насъ защиты отпускаешь?
Ужли ты для того на свѣтъ насъ жить пустилъ
И насъ, дѣтей своихъ, лелѣялъ и училъ,
Чтобъ мы на произволъ судьбы теперь остались
И безъ прибѣжища скитались?
Не самъ ли ты черезъ меня сказалъ,

Что въ море бы однимъ ребятамъ не пускаться?
А ты теперь и самъ что дѣлать съ нами сталъ!“
Бѣднякъ тожъ къ рѣчи тутъ присталъ:
„А я куды гожусь? какъ въ свѣтъ мнѣ показаться?
Ты знаешь, батюшка, довольно, свѣтъ каковъ,
Какое множество развратныхъ въ немъ умовъ;
Ты знаешь, сколько въ немъ на правду негодуютъ
И какъ порочные умы объ ней толкуютъ;
А ты вѣдь, батюшка, когда насъ воспиталъ:
„Ну, дѣти! правдою живите,
„И правду говорите“,
Всегда намъ толковалъ.
Такъ ты насъ подъ ея защитой отпускаешь!
Помилуй, развѣ ты не знаешь,
Какой по бѣдности моей мнѣ былъ пріемъ
Въ бесѣдѣ передъ богачомъ?
Чего же добраго теперь мнѣ дожидаться,
Когда мнѣ въ свѣтъ еще и съ правдой показаться?
Нѣтъ, ежели ты въ свѣтъ задумалъ насъ пустить,
Отдай Дьяковой насъ въ покровъ и защищенье.
Тогда хоть мы отъ злыхъ услышимъ поношенье,
Что станемъ правду говорить,

Но въ ней не гнѣвъ найдемъ, увидимъ снисхожденье:
Ея одно въ томъ утѣшенье,
Одинъ законъ, одно ученье,
Чтобъ правду слышать и любить.
Она насъ иногда отъ клеветы избавитъ,
А именемъ своимъ тебя и насъ прославитъ,
И нашихъ недруговъ заставитъ, можетъ быть,
Еще насъ и любить.
Хоть въ свѣтѣ истина собой и не терпима,
Такъ изъ прекрасныхъ устъ все можетъ быть любима".—
„Какъ? Ей представить васъ? что вы, съ ума сошли!
Подите-жъ прочь, пошли, пошли:"—
Сперва-таки какъ ладъ просили, все просили;
Но вдругъ какъ подняли и плачъ, и вой такой:
„Ой батюшка! постой, постой!
Ой, что задумалъ ты надъ нашей головой!"
Тутъ всѣ они свои заслуги протвердили
Безъ череды и чередой:
Иная басня тутъ медвѣдемъ заплясала,
Другая тутъ свиньей визжала.
Медвѣдь сказалъ:
Что, развѣ ты забылъ, какъ въ баснѣ я плясалъ?
Свинья свое напоминала,
И съ прочими туда-жъ твердитъ:

Припомни, какъ меня въ девятой баснѣ били,
Гоняли, мучили, тузили.
Слоны съ коровой приступили;
Корова говоритъ:
Что, развѣ даромъ я подъ сѣдокомъ страдала,
За лошадь службу отправляла,
И невпопадъ ступала;
А что я не скакала,
Такъ я не виновата въ томъ,
Что не родилася конемъ.
Слоны свое тутъ толковали:
Да мы чѣмъ виноваты стали,
Что, новый ты совѣтъ затѣявъ учредить,
И съ нами,
Слонами,
Скотовъ съ предлинными ушами
За красное сукно изволилъ посадить.
Иль наши всѣ труды пропали?
Такъ изъ чего-жъ бы намъ служить?—
И уши крикомъ мнѣ и воемъ прожужжали.
Другіе было всѣ туда-жъ еще пристали;
Но я, чтобъ какъ нибудь скорѣй ихъ съ шеи сжить,
Сталъ гнать ихъ отъ себя, кричать на нихъ, бранить:
Поди, уродлива станица, отступися!
Они, Сударыня, и пуще привяжися.
Я имъ въ разсудокъ говорить:

Да какъ уродовъ васъ Дьяковой мнѣ представить?
Иль вкусъ и красоту Ея мнѣ оскорбить,
И самому себя предъ Нею обезславить?
Ну, кстати ли?—Они никакъ не отставать:
Стоятъ на томъ, чтобъ Вамъ въ защиту ихъ отдать.
Хотя бы, говорятъ: мы Ей не показались,
Такъ мы бы именемъ Ея покрасовались.
Я все не смѣлъ имъ обѣщать,
Какъ вздорная меня станица ни просила;
Но вдругъ, гдѣ ни взялась, жена тутъ приступила,
Котору въ сказкѣ я десятой описалъ.
Тутъ я, Сударыня, что дѣлать, ужъ не зналъ,
И чтобъ скорѣй съ ней разойтиться,
Я былъ ужъ принужденъ рѣшиться.
Да, да, я ей сказалъ:
Такъ точно, знаю, знаю...
Подите только прочь, я все вамъ обѣщаю...
Давъ слово, долженъ я сдержать.
Не надобно бы такъ нескромно обѣщать;
Но, силу кротости и власть разсудка зная
И вздорную лишь тѣмъ исправить уповая,
Подумалъ я: пускай же будетъ и она
На путь прямой обращена;
Не первая то будетъ злая
Обезоружена жена...

Пожалуйте ее, Сударыня, исправьте;
А мнѣ простите слогъ простой,
И счастье тѣмъ мое составьте.
Позвольте, чтобъ Вамъ былъ покорнѣйшимъ
слугой.

Милостивая Государыня,

N. N.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

Писатель.

Писатель что-то сочинилъ,
Чѣмъ самъ онъ недоволенъ былъ.
Въ способности своей писатель сомнѣвался,
А потому
Ему
И трудъ свой не казался;
Итакъ онъ не ласкался
Ужъ похвалу ту получить,
Котору заслужить
Старался.
Въ сомнѣньи семъ ему невѣжда предстаетъ.
Писатель тутъ на разсужденье
Свой трудъ невѣждѣ подаетъ:
—«Пожалуй, говоритъ, скажи свое ты мнѣнье
На это сочиненье».

Судьей невѣжда сталъ!
Судилъ, рѣшилъ, опредѣлялъ:
Ни въ чемъ не сомнѣвался,
Ничѣмъ онъ не прельщался,
И только что кричалъ:
—«Вотъ это низко здѣсь! тамъ то неблагородно;
Въ томъ мѣстѣ теменъ смыслъ! тутъ вовсе нѣтъ его!
Вотъ это съ правдою несходно!
Здѣсь остроты нѣтъ ничего!
Тутъ должно иначе... получше изъясниться!
А эта рѣчь проста... и не годится!»
И все невѣжда вкось и вкриво толковалъ.
Что онъ невѣжда былъ, о томъ писатель зналъ,
И про себя сказалъ:
«Теперь надежда есть, что трудъ мой не пропалъ».

II.

Конь и оселъ.

Конь, всадникомъ гордясь
И выступкой храбрясь,
Чрезчуръ рѣзвился
И какъ-то оступился.
На ту бѣду оселъ случился,
И говоритъ коню: «Ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой?

Я, ходя цѣлый день, ни разу не споткнуся;
Да полно я и берегуся».
—Тебѣ ли говорить?
Конь отвѣчалъ ослу:—и ты туда-жъ несешься!
Твоею выступкой ходить—
И вовѣкъ не споткнешься.

III.

Умирающій отецъ.

Жилъ-былъ отецъ
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ глупецъ.
Отцова настаетъ кончина,
И, видя свой конецъ,
Отецъ
Тревожится, скучаетъ,
Что сына умнаго на свѣтѣ покидаетъ,
А будущей его судьбы не знаетъ,
И говоритъ ему: «Ахъ, сынъ любезный мой!
Съ какой
Тоской
Я разстаюсь съ тобой,
Что умнымъ я тебя на свѣтѣ покидаю,
И какъ ты проживешь, не знаю.
Послушай», продолжалъ: «тебя я одного
Наслѣдникомъ всего имѣнья оставляю,

А брата твоего
Я отъ наслѣдства отрѣшаю:
Оно не нужно для него».
Сынъ усомнился и не знаетъ,
Какъ рѣчь отцову разсудить.
Но, наконецъ, отцу о братѣ представляетъ:
—А брату чѣмъ же жить,
Когда мнѣ одному въ наслѣдство,
Съ его обидою, имѣнье получить?
— «О братѣ нечего», сказалъ отецъ, «тужить:
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть».

IV.

Дерево.

Стояло дерево въ долинѣ
И, на судьбу свою пеняя, говоритъ:
Зачѣмъ оно не на вершинѣ
Какой-нибудь горы стоитъ;
И то-жъ да то же все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ дерева внимаетъ,
И говоритъ ему:
Добро, перемѣню твое я состоянье,
Ко угожденью твоему, —
И далъ Вулкану приказанье

Долину въ гору премѣнить.
Итакъ, подъ деревомъ горою мѣсто стало.
Довольнымъ дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.
Ужъ дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть:
Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;
И дерево теперь, стоявши на вершинѣ,
Трепещетъ о своей судьбинѣ.
«Счастливы, говоритъ,
Деревья тѣ, которыя въ долинѣ:
Имъ буря столько не вредитъ».
И только это лишь сказало, —
Изъ корня вырвано, упало.

Мнѣ кажется, легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

V.

Пожилой гадатель.

Дѣтина молодой хотѣлъ узнать впередъ,
Счастливо-ль онъ, иль нѣтъ,
На свѣтѣ проживешь
(О чемъ нерѣдкій размышляетъ
И любопытствуетъ узнать),
И для того велѣлъ гадателя призвать,
И счастье отъ него свое узнать желаетъ.
Гадатель былъ старикъ и строго честь любилъ,
Онъ зналъ людей и въ свѣтѣ жилъ,
Дѣтинѣ этому печально отвѣчаетъ:
«Не много жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ;
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты-жъ уменъ».
Печальный прорекатель!
Какой стоичекій урокъ!
Но къ счастію, что ты гадатель,
А не пророкъ!

VI.

Скворецъ и кукушка.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ,
На волю улетѣлъ.
Къ нему съ вопросами кукушка приступила,
И говорила:
«Скажи, пожалуй, мнѣ, что̀ слышалъ ты объ насъ,
И городу каковъ нашъ голосъ показался?
Я думаю, что вѣдь не разъ
Объ этомъ разговоръ случался.
О соловьѣ какая рѣчь идетъ?»
—На похвалу его и словъ недостаетъ.
«О жаворонкѣ что-жъ?»—кукушка повторяетъ.
— Весь городъ и его не мало похваляетъ.
«А о дроздѣ?»
—Да хвалятъ и его, хотя и не вездѣ.
«Позволишь ли ты мнѣ», кукушка продолжала,
«Тебя еще однимъ вопросомъ утрудить,
И обо мнѣ что̀ слышалъ ты?—спросить:
Весьма-бъ я знать о томъ желала.
И я таки пѣвала».
— А про тебя, когда всю истину сказать,
Нигдѣ ни слова не слыхать.
«Добро!» кукушка тутъ сказала:
«Такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,
И о себѣ сама все буду говорить».

VII.

Обозъ.

Шелъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набитъ?
— Пузырями.

VIII.

Отецъ и сынъ его.

Отецъ, имѣя сына,
Который былъ уже дѣтина,
«Ну, сынъ», онъ говоритъ ему: «ужъ бы пора,
Для твоего добра,
Тебѣ жениться.
Къ тому же, дитятко, у насъ одинъ ты сынъ;
Да и во всей семьѣ остался ты одинъ.
Когда не женишься, весь родъ нашъ прекратится,
Такъ и для этого ты долженъ бы жениться.
Ужъ я не разъ о томъ говаривалъ съ тобой
И напрямикъ и стороной,

А ты мнѣ все въ отвѣтъ другое да другое;
Скажи пожалуй, что̀ такое?
Я, право, говорить объ этомъ ужъ усталъ».
— Охъ, батюшка! давно и самъ я разсуждалъ,
Что мнѣ пора бы ужъ жениться;
Да вотъ я для чего все не могу рѣшиться:
Ищу, да все еще примѣра не найду,
Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу.

IX.

Два сосѣда.

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоритъ;
[каждый день намъ то-жъ примѣрами твердитъ,
Какъ можно, не вплетаться въ споры;
. если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
[е допуская вдаль, прервать сначала ихъ,
[лучше до суда, хотя ни съ чѣмъ, мириться,
акъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
ль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

а дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
со двора потомъ и въ садъ его зашла
И тамъ бѣдъ пропасть накутила:
Гряду изрыла.
Встревожился весь домъ,

И въ домѣ бѣганье, содомъ:
«Собакъ, собакъ сюда!» домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить,
Швырять въ нее, гонять и бить:
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили,
Полѣньями ее, метлами, кочергой,
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой
(Обычай на Руси такой).
Тутъ лай собакъ и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой,
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью, наконецъ, убили,
(Охотники тѣ люди были).
Сосѣди въ тяжбу межъ собой,
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышатъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой,
Другой, что свинью затравили;
И первый говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ».
Другой же говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ».
Хоть виноваты оба были,
Но кстати-ль, чтобъ они другъ другу уступили?

Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во что-бъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно, суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали.
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора.
Тогда судьи имъ говорили:
«Мы дѣло ваше ужъ рѣшили:
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора».

X.

Тѣнь мужа и Харонъ.

Красавицы! ужли вы будете сердиться
За то, что̀ вамъ теперь хочу я разсказать?
Вѣдь слава добрыхъ тѣмъ никакъ не уменьшится,
Когда однѣхъ худыхъ я стану осуждать.
А право, мочи нѣтъ молчать:
Инымъ мужьямъ житья отъ женъ своихъ не стало;
А этакъ поступать вамъ, право, не пристало.

Жилъ мужъ, жила жена,
И наконецъ скончались оба;
Да только въ разны времена
Имъ отворились двери гроба:
Жена скончалась напередъ,

Потомъ и мужъ, проживъ, не помню, сколько лѣтъ,
Скончался.
Какъ съ свѣтомъ здѣшнимъ онъ разстался
То къ той рѣкѣ приходитъ онъ,
Гдѣ перевозитъ всѣхъ Харонъ
Тѣхъ, кои свѣтъ сей оставляютъ.
А за рѣкою той, піиты увѣряютъ,
Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведетъ.
Харонъ тѣнь мужнюю везетъ,
И какъ черезъ рѣку они переѣзжаютъ,
Тѣнь говоритъ: «Харонъ, куда моя жена
Тобою перевезена?
Въ рай или въ адъ?» — Въ рай. — «Можно-ль статься?
Меня куда-жъ везешь?» — Туда-жъ, гдѣ и она.
«Ой, нѣтъ; такъ въ адъ меня! Я въ адѣ радъ остаться,
Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жить».
— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надъ тобой хотѣлось подшутить:
Я въ адъ ее отвезъ; ей кстати въ адѣ быть
И съ дьяволами жить и знаться:
И въ свѣтѣ вѣдь она
Была прямая сатана!

XI.

Мужикъ и корова.

Коня у мужика не стало,
Такъ онъ корову осѣдлалъ;
А самъ о томъ не разсуждалъ,
Что, говорятъ, сѣдло коровѣ не пристало;
И, словомъ, на корову сѣлъ,
Затѣмъ что онъ пѣшкомъ идти не захотѣлъ.
Корова только лишь подъ сѣдокомъ шагаетъ,
Скакать не знаетъ.
Сѣдокъ корову погоняетъ;
Корова выступкой все тою же ступаетъ,
И только лишь подъ нимъ пыхтитъ.
Сѣдокъ, имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дубину,
Корову понуждалъ, какъ вялую скотину,
Считая, что она отъ палки побѣжитъ.
Корова пуще лишь пыхтитъ,
Потѣетъ и крехтитъ.
Сѣдокъ удары утроятъ;
Корова все шагаетъ,
А рыси, хоть убей,
Такъ нѣтъ у ней.
Корова, наконецъ, подъ сѣдокомъ свалилась.
Не мудрено: скакать корова не училась.

А потому и должно знать:
Кто ползать родился, тому ужъ не летать.

XII.

Кощей.

Какой-то былъ кощей и денегъ тьму имѣлъ,
И какъ онъ сказывалъ, то онъ разбогатѣлъ
Не криводушно поступая,
Не грабя и не разоряя.
Нѣтъ, онъ божился въ томъ,
Что Богъ ему послалъ такой достатокъ въ домъ,
И что никакъ онъ не боится
Противу ближняго въ неправдѣ обличиться.
А чтобы Господу за милость угодить
И къ милосердію и впредь Его склонить,
Иль, можетъ быть, и впрямь, чтобъ совѣсть успокоить,
Кощею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить.
Домъ строятъ и почти достроили его.
Кощей мой, глазя на него,
Себя не помнитъ, утѣшаетъ,
И самъ съ собою разсуждаетъ,
Какую бѣднымъ онъ услугу показалъ,
Что имъ пристанище построить приказалъ!
Такъ внутренно Кощей мой домомъ веселится.
Какъ нѣкто изъ его знакомыхъ проходилъ,
Кощей знакомому съ восторгомъ говорилъ:
«Довольно, кажется, здѣсь бѣдныхъ помѣстится?»
— Конечно, можно тутъ числу большому жить;

Но всѣхъ, однако же, тебѣ не умѣстить,
Которыхъ по-міру заставилъ ты ходить.

XIII.

Крестьянинъ съ ношею.

Коль часто служитъ пользу намъ,
Что̀ мы вредомъ себѣ считаемъ!
Коль часто на судьбу богамъ
Неправой жалобой скучаемъ!
Коль часто счастіе несчастіемъ зовемъ,
И благо истинно, считая зломъ, клянемъ!
Мы вѣчно умствуемъ и вѣчно заблуждаемъ.

Крестьянинъ нѣкакій путемъ-дорогой шелъ
И ношу на плечахъ имѣлъ,
Которая его такъ много тяготила,
Что на пути пристановила.
«Провалъ бы эту ношу взялъ!»
Крестьянинъ проворчалъ:
«Я эту ношу
Сброшу,
И налегкѣ безъ ноши я пойду;
Добра я этого вездѣ, куда приду,
Найду».
А ноша та была кошель, набитый сѣномъ;
Но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ.

Сталъ нашъ крестьянинъ въ пень, не знаетъ что̀ начать;
Однако, вздумалъ отдыхать,
И мыслитъ: «Отдохнувъ немного, поплетуся;
Авось-либо дойду,
Хоть съ ношею пойду;
Быть такъ, добро, пущуся».

Пошелъ крестьянинъ въ путь и ношу взялъ съ собой.
Но надобно здѣсь знать, что было то зимой,
Когда лишь только рѣки стали,
И снѣги льда еще не покрывали.
Лежитъ крестьянину дорога черезъ ледъ.
Крестьянинъ, ничего не думавши, идетъ:
Вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился,
Однако же, упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда!
Крестьянинъ, вѣрно-бъ ты убился,
Когда бы ношу взять съ собою полѣнился.

XIV.

Два семейства.

Ужъ изстари, не нынѣ знаютъ,
Что отъ согласія всѣ вещи возростаютъ,
А несогласія всѣ вещи разрушаютъ.

Я правду эту вновь примѣромъ докажу:
Картины Грёзовы*) я сказкой разскажу.
Одна счастливую семью изображаетъ,
Другая же семью несчастну представляетъ.

Семействомъ счастливымъ представленъ мужъ съ женой,
Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такой рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчаютъ,
Которы трудности сей жизни представляютъ.
Согласно мужъ съ женой
Своею лодкой управляя,
Счастливо къ берегу плывутъ,
Любовь сама въ лицѣ, грести имъ пособляя,
Ихъ тяжкій облегчаетъ трудъ.
Спокойно въ лодочкѣ ихъ дѣти почиваютъ;
Покой и счастіе дѣтей
Въ заботной жизни сей
Труды отцовски награждаютъ.
Другимъ семействомъ тожъ представленъ мужъ съ женой,
Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такою же рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчаютъ.
Но худо лодка ихъ плыветъ;

*) Грёзъ Ж. Б. (1725—1805 г.) живописецъ, прославившійся особенно своими женскими головками, написанными нѣжной и изящной кистью.

Съ женой у мужа ладу нѣтъ:
Жена весло свое бросаетъ,
Сидитъ, не хочетъ помогать,
Отъ камней лодку удалять.
Любовь летитъ отъ нихъ и вздорныхъ оставляетъ;
А мужа одного напрасенъ тяжкій трудъ,
И вкриво съ лодкою и вкось они плывутъ.
Покою дѣти не вкушаютъ,
И хлѣбъ другъ у друга съ слезами отнимаютъ;
Все хуже между нихъ часъ отъ часу идетъ:
Въ пучину лодку ихъ несетъ.

XV.

Земля хромоногихъ и картавыхъ.

Не помню гдѣ-то я читалъ,
Что въ старину была землица небольшая,
И мода тамъ была такая,
Которой каждый подражалъ,
Что не было ни человѣка,
Который бы, по обычаю вѣка,
Прихрамывая не ходилъ
И не картавя говорилъ;
А это все тогда искусствомъ называлось
И красотой считалось.

Проѣзжій изъ земли чужой,
Но не картавый, не хромой,

Пріѣхавши туда, дивится модѣ той
И говоритъ: «Возможно-ль статься,
Чтобъ красоту въ томъ находить,
Хромымъ ходить,
И все картавя говорить?
Нѣтъ, надобно стараться
Такую глупость выводить».
И вздумалъ-было всѣхъ учить,
Чтобъ такъ, какъ надобно, ходить
И чисто говорить.
Однако, какъ онъ ни старался;
Всякъ при своемъ обычаѣ остался;
И закричали всѣ:—Тебѣ ли насъ учить?
Что на него смотрѣть? Ребята, все пустое!
Хоть худо-ль, хорошо-ль умѣемъ мы ходить
И говорить,
Однако, не ему ужъ насъ перемудрить:
Да кстати ли теперь повѣрье отмѣнить
Старинное такое?

XVI.

Строитель.

Тотъ, кто дѣла свои впередъ все отлагаетъ,
Тому строителю себя уподобляетъ,
Который захотѣлъ строеніе начать,

Сталъ для него припасы собирать,
И собираетъ ихъ по всякій день не мало.
Построить долго ли! лишь было бы начало.
роходитъ день за днемъ, за годомъ годъ идетъ,
А все строенья нѣтъ:
Все до другого дня строитель отлагаетъ.
Вдругъ смерть пришла: строитель умираетъ,
Припасы лишь одни на зданье оставляетъ.

XVII.

Совѣтъ старика.

Дѣтина старика какого-то спросилъ:
«Чтобъ знатнымъ сдѣлаться, за что бы мнѣ приняться?»
— По совѣсти признаться,
Старикъ дѣтинѣ говорилъ:
Я право самъ не знаю,
Какъ лучше бы тебѣ, дружокъ мой, присудить;
Но если прямо говорить,
Такъ я вотъ эдакъ разсуждаю,
И средства только съ два могу тебѣ открыть,
Какъ до чиновъ большихъ и знатности дойтить,
А больше способовъ не знаю.

Будь храбръ, дружокъ. Иной
Прославился войной;

Все отложивъ тогда, спокойство и забаву,
Трудами находить старался честь и славу;
И въ самомъ дѣлѣ то сыскалъ,
Чего сыскать желалъ.
Другой же знаніемъ глубокимъ,
Не родомъ знатнымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличилъ:
Въ судахъ и при дворѣ великъ и славенъ былъ.
Трудами все пріобрѣтаютъ;
Но въ томъ великія лишь души успѣваютъ.
— «Все это хорошо», дѣтина говорилъ:
«Но если мнѣ тебѣ по совѣсти признаться,
Такъ я никакъ не воображалъ,
Что — чести и чиновъ на свѣтѣ добиваться —
Ты-бъ столько трудностей мнѣ разныхъ насказалъ.
Мнѣ кажется, что ты ужъ слишкомъ судишь строго;
Полегче бы чего нельзя ли присудить?»

— Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить;
А и глупцовъ чиновныхъ много.

XVIII.

Хозяинъ и мыши.

Двѣ мыши на одинъ какой-то дворъ попались,
И вмѣстѣ на одномъ дворѣ онѣ живутъ;
Но каждой жительства различныя достались,

А потому онѣ и разну жизнь ведутъ:
Одна мышь въ житницу попала,
Другая мышь—въ амбаръ пустой,
Одна въ довольствѣ обитала,
Не видя нужды никакой;
Другая-жъ въ бѣдности живетъ и все горюетъ,
И на судьбину негодуетъ.
Съ богатой видится и съ нею говоритъ;
Но въ житницу ея попасть никакъ не можетъ,
И только тѣмъ однимъ сыта, что рухлядь гложетъ.
Клянетъ свою судьбу, хозяина бранитъ,
И наконецъ къ нему мышь бѣдна приступила,
Сравнять ее съ своей подругою просила.
Хозяинъ дѣло такъ рѣшилъ
И мыши говорилъ,
Котора съ жалобой своею приходила:
«Вы обѣ случаемъ сюда на дворъ зашли,
И тѣмъ же случаемъ и разну жизнь нашли.
Хозяину мышамъ не сдѣлать уравненье.
И я скажу тебѣ:
Амбаръ и житницу построилъ я себѣ
На разное употребленье;
А до мышей мнѣ нужды нѣтъ,
Котора гдѣ и какъ живетъ».

XIX.

Лжецъ.

Кто лгать привыкъ, тотъ лжетъ въ бездѣлицѣ и въ дѣлѣ,
И лжетъ, душа покуда въ тѣлѣ.
Ложь — рай его, блаженство, свѣтъ:
Безъ лжи лгуну и жизни нѣтъ.
Я самъ лжеца такого
Зналъ,
Который никогда не выговоритъ слова,
Чтобы при томъ онъ не солгалъ.

Въ то время самое, какъ опыты тѣ были,
Что могутъ ли въ огнѣ алмазы устоять,
Въ бесѣдѣ нѣкакой объ этомъ говорили,
И всякъ по-своему объ нихъ сталъ толковать.
Кто говоритъ: въ огнѣ алмазы исчезаютъ,
Что̀ въ самомъ дѣлѣ было такъ.
Иные повторяютъ:
Изъ нихъ, какъ изъ стекла, что̀ хочешь выливаютъ.
И такъ
И сякъ
Объ нихъ твердятъ и разсуждаютъ.
Но что послѣднее неправда, знаетъ всякъ,
Кто химіи хотя лишь нѣсколько учился.
Лжецъ тотъ, котораго я выше описалъ,

Не вытерпѣлъ и тутъ, солгалъ.
«Да», говоритъ: «да, такъ; я самъ при томъ случился
(Лишь только-что не побожился,
Да полно онъ забылся),
Какъ способъ тотъ нашли,
И до того алмазъ искусствомъ довели,
Что какъ стекло его теперь ужъ плавить стали.
А эдакой алмазъ мнѣ самому казали,
Который слишкомъ въ фунтъ изъ мелкихъ былъ
стопленъ».
Одинъ въ бесѣдѣ той казался удивленъ,
И ложь безстыдную съ терпѣніемъ внимаетъ:
Плечами только пожимаетъ,
Принявши на себя тотъ видъ,
Что будто ложь его онъ правдою считаетъ.
Спустя дней нѣсколько лжецу онъ говоритъ:
— Какъ-бишь великъ алмазъ тебѣ тогда казали,
Который сплавили? я, право, позабылъ.
Въ фунтъ, кажется, ты говорилъ?
— «Такъ точно въ фунтъ», лжецъ подтвердилъ.
— О это ничего; теперь ужъ плавить стали
Алмазы вѣсомъ въ цѣлый пудъ;
А въ фунтовыхъ алмазахъ тутъ
И счетъ ужъ потеряли».
Лжецъ видитъ, что за ложь хотятъ ему платить,
Ужъ вѣсу не посмѣлъ прибавить,
И лжей алмазъ побольше сплавить;
Сказалъ: «Ну, такъ и быть:
Фунтъ пуду долженъ уступить».

XX.

Бояринъ аѳинскій.

Какой-то господинъ,
Бояринъ знатный изъ Аѳинъ,
Который въ весь свой вѣкъ ничѣмъ не отличился
И никакой другой заслуги не имѣлъ,
Окромѣ той одной, что сладко пилъ и ѣлъ,
И завсегда своей породой возносился;
При всемъ, однако же, хотѣлъ,
Чтобъ думали, что онъ достоинства имѣлъ.
Весьма нерѣдко то бываетъ:
Чѣмъ меньше кто себя достойнымъ примѣчаетъ,
И, право бы, въслуги къ себѣ негоденъ былъ,
Когда бы родомъ онъ бояриномъ не слылъ, —
Тѣмъ больше требуетъ почтенья и желаетъ.
Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ баринъ этотъ былъ,
Какой-то стихотворецъ жилъ,
Который пѣлъ мужей дѣлами именитыхъ,
Не титлами пустыми отмѣнитыхъ.
Писателя сего бояринъ попросилъ,
Чтобъ нѣчто и въ его онъ славу сочинилъ:
«Когда», писателю вельможа говорилъ,
«Вы что-нибудь мнѣ въ славу сочините,
И мнѣ ту сдѣлаете честь,
Прославиться и вамъ тутъ также случай есть».
Въ отвѣтъ писатель: — извините!

Я всею бы душой вамъ въ этомъ услужилъ,
Но сдѣлать этого никакъ мнѣ не возможно,
Затѣмъ что я зарокъ такой ужъ положилъ,
Чтобъ не изъ подлаго ласкательства и ложно
Стихи на похвалу кого-нибудь писать,
Но ими истинны заслуги прославлять.

XXI.

Баронъ.

Жилъ-былъ скупой богачъ, и у него одинъ
Былъ сынъ.
Отецъ его скончался:
Наслѣдства милліонъ молодчику достался,
И захотѣлъ сынокъ, имѣвши милліонъ,
Барономъ сдѣлаться, — и сдѣлался баронъ.
Баронство куплено. Теперь задумалъ онъ
Быть сверхъ того и знатнымъ господиномъ,
И слыть барономъ съ чиномъ.

Хоть знатныхъ онъ людей достоинствъ не имѣлъ,
Да онъ ихъ представлять умѣлъ
И все сбирался и хотѣлъ
Министромъ быть при кабинетѣ,
Чтобъ въ царскомъ засѣдать совѣтѣ,
Иль славнымъ полководцемъ быть.
Баронъ! достоинства за деньги не купить!

Но все баронъ не могъ рѣшиться,
Къ чему бы лучше прилѣпиться,
Гдѣ-бъ больше чести доступить:
Министромъ быть ли добиваться,
Иль въ полководцы домогаться?
Итакъ въ намѣреньяхъ однихъ живетъ баронъ,
А все достоинство барона — милліонъ.
Онъ удивленье былъ народовъ
Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ.
Доходами его почти весь городъ жилъ.
Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
То больше лошадей своихъ онъ величался.
Льстецамъ онъ покровитель былъ.
И ревностно тому служилъ,
Кто, ползая предъ нимъ, его о чемъ просилъ,
А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
Талантами его безстыдно восхищался,
Тотъ вѣрно помѣщенъ въ число друзей тѣхъ былъ,
Которые на счетъ барона ѣли, пили,
Смѣясь въ глаза его хвалили
И въ тотъ же самый часъ мѣшки его щечили,
Какъ увѣряли всѣ его,
Что противъ глазъ такихъ, какъ у него,
И Аргусовы ничего.

На долго-ль моту милліона?
Ему другого нѣтъ закона,
Какъ только, чтобъ по волѣ жить,

Страстямъ и прихотямъ служить.
Баронъ нашъ пересталъ ужъ больше говорить,
Министромъ, полководцемъ быть,
И только къ роскошамъ однимъ лишь прилѣпился:
Пилъ, ѣлъ и веселился.
А какъ весь милліонъ бароновъ истощился,
То сталъ опять ничто баронъ,
Таковъ, какъ былъ и прежде онъ.
Безъ денегъ онъ отъ всѣхъ оставленъ очутился,
И доказалъ своимъ житьемъ
Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,
Что дѣтямъ только зла родители желаютъ,
Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ.

XXII.

Медвѣдь-плясунъ.

Плясать медвѣдя научили
И долго на цѣпи водили;
Однако, какъ-то онъ ушелъ
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только-что узнали,
Всѣмъ по лѣсу о немъ, что тутъ онъ, промычали;
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:

«Вѣдь мишка къ намъ опять явился!»
Откуда кто пустился,
И къ мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ,
Другъ передъ другомъ мишку тутъ
Встрѣчаютъ,
Поздравляютъ,
Цѣлуютъ, обнимаютъ,
Не знаютъ съ радости, что̀ съ мишкою начать,
Чѣмъ угостить и какъ принять.
Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать,
Ни описать!
И мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ мишку стали,
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, что только мишка зналъ,
Разсказывать имъ сталъ,
И, между прочимъ, показалъ,
Какъ на цѣпи бывало онъ плясалъ.
Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,
Которы зрителями были,
И каждый силы всѣ свои употреблялъ,
Чтобъ такъ же поплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако, всѣ они хоть сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,—
Не только чтобъ плясать,
Насилу такъ, какъ онъ, могли на лапы стать.

Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о-землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А мишка, видя то,
И вдвое тутъ потщился
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на мишку напустили,
И ненависть, и злость искусство все затмили.
На мишку окрикъ всѣ: «Прочь, прочь отсель сейчасъ!
Скотина эдака умнѣй быть хочетъ насъ!»
И всѣ на мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали
И столько мишку стали гнать,
Что мишка принужденъ бѣжать.

XXIII.

Орлы.

Сначала всяко дѣло строго
И въ строку такъ идетъ,
Что и приступу нѣтъ,
А тамъ, перегодя немного,
Пошло и вкриво все и вкось,
И отчасу все хуже, хуже,
Покуда, наконецъ, хоть брось.
Не знаю, череду ведутъ ли люди ту же;

Но слово въ баснѣ сей
Про птицъ, не про людей.

Орлы когда-то всѣ рѣшились
Составить общество правленья межъ собой
И сдѣлали уставъ такой,
Чтобъ прочія отъ нихъ всѣ птицы удалились,
Какъ недостойныя съ орлами вмѣстѣ жить,
Судить,
Рядить,
Или въ дѣла орловъ входить
И, словомъ, въ обществѣ одномъ съ орлами быть.
И такъ живутъ орлы, храня уставъ свой строго,
И никакой изъ птицъ къ орламъ приступу нѣтъ.
Прошло, не знаю, сколько лѣтъ,
Однако, помнится, немного,
Вдругъ изъ орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими эдакъ разсуждаетъ,
И вотъ что предлагаетъ:
«Хоть позволенія на то у насъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
Которы-бъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ,
Орламъ,
Отмѣнныхъ не имѣли,
Летать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смотрѣть не смѣли,
Но какъ соколій намъ извѣстенъ всѣмъ полетъ,
И думаю, что намъ онъ пользу принесетъ,

Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется, бѣды тутъ нѣтъ».
— «И впрямь», орлы на то сказали:
«Его полетъ...
А сверхъ того одинъ соколъ куды нейдетъ?»
И сокола принять позволить приказали.
Потомъ, спустя еще, не знаю, сколько лѣтъ,
Ужъ также и соколъ свой голосъ подаетъ,
Что пользы ястребъ тожъ не мало принесетъ,
И нужнымъ признаетъ,
Чтобы орлы благоволили
И ястреба принять.
Но тутъ было орлы сперва поусомнились,
Хотѣли отказать,
Однако, наконецъ, рѣшились,
Чтобъ позволенье дать
И ястреба въ ихъ общество принять.
Потомъ и ястребъ тожъ орламъ сталъ представлять,
Что нужны птицы тѣ, другія,
Невѣдь какія,
Чтобъ разну должность отправлять.
Что-жъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
Чтобъ птицамъ былъ пріемъ впередъ безъ представленья;
И вышло, наконецъ, что въ общество орловъ
Ужъ стали принимать и филиновъ, и совъ.

XXIV.

Усмирительный способъ.

Былъ у отца сынъ, малый молодой,
Шалунъ и бѣдокуръ такой,
Хоть голову кому такъ радъ сорвать долой.
Какая только гдѣ проказа ни случится,
Нашъ малый завсегда тутъ первымъ очутится.
«Что», говоритъ отецъ, «съ повѣсой мнѣ начать,
И чѣмъ его унять?»
Однако, чтобъ себя стыда и бѣдъ избавить,
А въ маломъ жару поубавить,
Онъ способъ съ нимъ еще вотъ этотъ предпріялъ:
Какъ матушка на то любезна ни косилась,
Въ Америку его на сколько-то послалъ.
Что-жъ? чѣмъ поѣздка та рѣшилась?
Ужли смирнѣе малый сталъ?
Гдѣ! Бѣшенымъ такимъ еще и не бывалъ.
И для того отецъ и дядя посудили,
Подумали и положили,
Что какъ пути въ немъ не видать,
То-бъ въ службу малаго военную отдать.
Поплакали, погоревали,
И, наконецъ, его въ солдаты записали,
Что въ самомъ дѣлѣ для него
Полезнѣе казалося всего:
Хоть люди каковы-бъ военные ни были

И что-бъ про нихъ ни говорили,
Но многихъ палкой жить они ужъ научили;
А впрочемъ, нужды въ этомъ нѣтъ,
Что столько-жъ иногда уменъ и тотъ, кто бьетъ,
Какъ тотъ, кто за вину побои принимаетъ.
Однако, малаго ничто не пронимаетъ
И палка даже не беретъ.
Посылка за отцомъ, чтобъ въ полкъ ему явиться:
«Нѣтъ», говорятъ, «изволь назадъ ты сына взять,
И самъ, какъ хочешь, съ нимъ возиться,
А нашей мочи ужъ не стало больше биться».
И велѣно отцу его назадъ отдать.
Теперь ужъ отъ него добра не ожидать!
Но нѣтъ, скорехонько дѣтину проучили:
Еще и мѣсяцъ не прошелъ,
Совсѣмъ дѣтина присмирѣлъ.
Да чѣмъ же малаго такъ вдругъ перемѣнили?
Ужли въ тюрьму отецъ дѣтину посадилъ?
Нѣтъ, лучше этого его онъ проучилъ:
На злой женѣ женилъ.

XXV.

Ребята своевольные.

Кто пожилыхъ людей совѣтъ пренебрегаетъ,
И пылкой юности страстямъ однимъ внимаетъ,
Тотъ часто со вредомъ и поздно узнаетъ,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ.

Ребята у моря со старикомъ гуляли
И какъ-то на челнокъ напали,
Въ который вздумали они и сами сѣсть,
И въ то же старика хотятъ ребята ввесть,
Чтобъ съ ними по морю немного прокатиться.
Но старику ли согласиться?
Старикъ старается и ихъ уговорить,
Охоту эту отложить,
Ребятамъ представляя
И живо имъ изображая,
Что кончится для нихъ забава та бѣдой.
Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой!
Чѣмъ больше ихъ старикъ уговорить ласкался,
Тѣмъ больше на своемъ поставить всякъ старался.
Старикъ еще ихъ унимать:
«Эй, право, вамъ не сдобровать!
Челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьте мнѣ, я знаю;
Вѣдь вамъ же я добра желаю».
— Пустое, старичокъ!
Что слушаться его? — и сами всѣ въ челнокъ
И въ море, наконецъ, изъ виду удалились.

Тиха была вода тогда, когда пустились,
Но вдругъ, гдѣ вѣтеръ ни взялся,
Челнокъ качаетъ
И по волнамъ его то вверхъ, то внизъ бросаетъ.
Ребята, чтобъ назадъ, но вѣтеръ не пускаетъ;
Ребята, чтобъ спастись, но ужъ спастись нельзя:
Челнокъ вверхъ дномъ и всѣхъ собою потопляетъ.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

XXVI.

Левъ, учредившій совѣтъ.

Левъ учредилъ совѣтъ какой-то неизвѣстно
И, посадя въ совѣтъ сочленами слоновъ,
Большую часть прибавилъ къ нимъословъ.
Хотя слонамъ сидѣть съ ослами и невмѣстно,
Но левъ не могъ того числа слоновъ набрать,
Какому прямо надлежало
Въ совѣтѣ этомъ засѣдать.
Ну, что-жъ? пускай числа всего бы не достало,
Вѣдь это-бъ не мѣшало
Дѣла производить.
Нѣтъ, какъ же? а уставъ ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетомъ бы ихъ стало.
А сверхъ того, какъ левъ совѣтъ сей учреждалъ,
Онъ вотъ какъ полагалъ
И льстился:
Ужли и впрямь, что умъ слоновъ
На умъ не наведетъословъ?

Однако, какъ совѣтъ открылся,
Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ потекли:
Ослы слоновъ съ ума свели.

XXVII.

Пустомеля.

Изъ первыхъ шалуновъ молодчикъ,
Великій вертопрахъ, болтунъ и враль господчикъ,
Который только въ то и жилъ,
Что вѣсти собиралъ и вѣсти разносилъ,
оторыя его весь разумъ занимали,
И только лгать,
Молоть, болтать
Безперестанно заставляли
А разсуждать о чемъ никакъ не допускали,
Который умныхъ всѣхъ глупцами называлъ,
Иль сдѣлать ихъ такими всѣхъ желалъ,
Который въ то одно старался,
Чтобъ людямъ голову вскружить,
Враньемъ своимъ бѣсить
И скуку наводить,
всѣхъ до смерти былъ готовъ заговорить,—
Такой молодчикъ вдругъ къ писателю примчался
И съ попыховъ къ нему бѣжитъ,
А самъ ужъ издали кричитъ:
«Такъ! все за книгами, и все уединенны!
И все отъ свѣта удаленны,
И все бы вамъ читать,
И все бы вамъ писать!
И я таки не понимаю,

Какъ полно никогда васъ скука не возьметъ!»
— Я этого не примѣчаю,
Писатель отвѣчалъ: одинъ ли я, иль нѣтъ,
Когда за книгами сижу я въ размышленьи;
Но чувствую, что я теперь въ уединеньи.

XXVIII.

Конь верховый.

Верховый гордый конь, увидя клячу въ полѣ
Въ работѣ подъ сохой
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ и не въ холѣ,
Какую гордый конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на клячу посмотрѣлъ,
Предъ клячею крестьянскою бодрился
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ, и сѣмъ хвалился.
«Что», говоритъ онъ клячѣ той;
«Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой,
Каковъ уборъ ты видишь мой?
И знаешь ли, меня какъ всякій почитаетъ?
Всякъ, кто мнѣ встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякій похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?»
Несносна клячѣ спѣсь коня;
«Пошелъ, хвастунъ!» — ему на это отвѣчаетъ:
«Оставь съ покоемъ ты меня.

Тебѣ-ль со мной считаться
И мною насмѣхаться?
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ».

XXIX.

Оселъ-невѣжа.

На встрѣчу конь ослу попался,
Гдѣ путь весьма тѣсненекъ былъ.
Конь отъ осла почтенья дожидался
И хочетъ, чтобъ ему дорогу уступилъ.
Однако, какъ оселъ учтивству не учился
И былъ такъ грубъ, какъ грубъ родился,
Онъ прямо на коня идетъ.
Конь вѣжливо ослу: «Дружокъ, посторонися,
Чтобъ какъ нибудь намъ разойтися,
Иль дай пройти мнѣ напередъ».
Однако же, оселъ невѣжей выступаетъ,
Коню проходу не даетъ.
Конь, видя это, самъ дорогу уступаетъ,
Сказавъ: «Добро, изволь ты первый проходить.
Я не намѣренъ правъ твоихъ тебя лишить
И самъ тобою быть».

XXX.

Счастливый мужъ.

Дѣтина по уши въ красавицу влюбился
И, наконецъ, во что-бъ ни стало то, рѣшился
Имѣть ее женой.
Не даромъ столько онъ красавицей плѣнился:
Красавицы еще не видано такой.
Да полно вотъ бѣды какія:
Обыкновенно ужъ красавицы такія,
Что каждый, думаю, узналъ,
Кто въ этомъ случаѣ бывалъ:
Чѣмъ болѣе ихъ обожаютъ,
Тѣмъ болѣе онѣ суровыми бываютъ.
Дѣтина этотъ то-жъ ужъ очень испыталъ.
Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,
Стеналъ, страдалъ,
Терзался, рвался и крушился,
Однако же, не могъ никакъ ее склонить,
Чтобы любовь къ себѣ взаимну получить.
Что-жъ съ грусти, наконецъ, онъ странствовать
пустился,
И для красавицы (что̀ можетъ злѣе быть!)
Въ дорогѣ съ бѣсомъ подружился
И письменно договорился
Во услуженіи его два года жить,
Чтобы красавицу въ жену лишь получить.

У бѣса тотчасъ все съ дѣтиною рѣшилось:
Рукописанье бѣсъ беретъ,
И слово честное дѣтинѣ бѣсъ даетъ;
А что̀ обѣщано, и дѣломъ совершилось.
Хоть бѣсъ обыкновенно лжетъ,
Однако, тутъ сдержалъ, что̀ сказано имъ было.
И время трехъ недѣль еще не проходило,
Какъ для дѣтины день счастливый наступилъ:
Красавицу свою въ жену онъ получилъ.
Но что-жъ? — и двухъ недѣль съ женой не проживаетъ,
Ужъ бѣса въ помощь призываетъ.
«Ахъ»! говоритъ ему: «не вѣдаешь всего
Ты горя моего:
Два года я тебѣ служить вѣдь обѣщался,
Когда красавицы тобой я домогался;
Но нѣтъ, избавь меня ты отъ нея, избавь,
А къ услуженію хоть годъ еще прибавь».
Но бѣсъ той просьбы не внимаетъ,
А молодой
Вдобавокъ чорту годъ, вдобавокъ и другой,
И къ году годъ еще къ услугамъ прибавляетъ.
«Хоть тяжко», говоритъ, «у чорта быть слугой,
Однако, легче все, чѣмъ съ злою жить женой».

XXXI.

Богачъ и бѣднякъ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ, и братъ,
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
И будь скотина;
И кто бы ни былъ ты таковъ,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
Дѣтина будешь какъ дѣтина;
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей, —
Того почтенья не дождется,
Какое богачу всегда ужъ воздается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Ниже никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ,
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое иль да, иль нѣтъ.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ;

Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ,
За бѣднякомъ,
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ,
И не имѣлъ богачъ сей ни заслугъ, ни чина,
И былъ прямая онъ скотина.
Что-жъ? богачу сказать нельзя, какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачемъ;
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ,
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кладутъ
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Возможно-ль», говоритъ ему,
«Что такъ людей богатство ослѣпляетъ.
Достоинства того, кто бѣденъ, получаетъ,
А кто богатъ, того пороки прикрываетъ?
Куды какъ это огорчаетъ»!
— Дивишься ты чему! —
Другой на это отвѣчаетъ:
Достоинствъ вѣдь взаймы не ищутъ никогда,
А денегъ—завсегда.

XXXII.

Львиный указъ.

«Такое-то число и годъ,
По силѣ даннаго велѣнья,
Рогатый крупный, мелкій скотъ
Имѣетъ изгнанъ быть изъ львинаго владѣнья,
И долженъ выходить не въ сутки, въ одинъ часъ»
Такой объявленъ былъ львомъ пагубный указъ,
И всѣ повиновались:
Отправился козелъ, бараны въ путь сбирались,
Олень и волъ и всѣ рогатые скоты.
«А ты, косой, куды?»
— Ахъ, кумушка, бѣды! —
Трусливый зайчикъ такъ лисицѣ отзывался,
А самъ совался
И метался:
Я видѣлъ тѣнь ушей моихъ;
Боюсь, сочтутъ рогами ихъ
Министры львины. Ахъ! зачѣмъ я здѣсь остался?
Опаснѣйшими ихъ рогами обнесутъ.
— «Ума въ тебѣ не стало: это уши!»
Лисица говоритъ. — Рогами назовутъ:
Пойдутъ и уши тпруши *)!

*) Тпруши—зовъ коровы, слѣдовательно, намекъ на рога.

XXXIII.

Заяцъ, обойденный при произвожденіи.

Случилося у льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать,
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
«Ну, какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?»
Такъ заяцъ говорилъ
(Обиженъ заяцъ былъ
И обойденъ считался):
«Я предъ лицомъ служу, а зайцемъ же остался!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ курятникѣ рядить:
Случится же судью такъ кстати посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта, на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я,
Хотя не воинъ,

Хотя и не судья,
Извѣстна служба льву моя;
Извѣстно, я чего достоинъ».
— Да гдѣ ты, другъ, служилъ? —
Барсукъ его спросилъ.
— «Передъ самимъ царемъ два года съ половиной
Я всякій день шутилъ;
А онъ меня сравнилъ
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала нигдѣ!»
— Ты шутствовалъ вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы было должно;
Твой также трудъ не малъ! —
Барсукъ ему сказалъ:
Но произвесть тебя по службѣ невозможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

XXXIV.

Дворовая собака.

Жила у барина собака на дворѣ
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ, бывало, жилъ чернецъ въ монастырѣ,
Всего же болѣ,
Что жить могла на волѣ.
Сосѣдъ, который въ домъ къ боярину ходилъ,

Собаку эту полюбилъ,
Да какъ достать ее не знаетъ:
Просить боярина объ ней онъ не хотѣлъ,
Украсть ее — бездѣльствомъ счелъ.
«Нѣтъ, надобно, онъ разсуждаетъ,
Скромнѣе поступить,
И тонкимъ образомъ собаку ту сманить».
Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ
И всякій разъ, когда бывало ни придетъ,
Рѣчь о собакѣ заведетъ:
При ней самой ее какъ можно выхваляетъ,
А барину пенять начнетъ,
Что содержаніе ей у него худое:
«Нѣтъ, у меня житье ей было-бъ не такое;
Иного я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,
Да этой бы собакѣ далъ;
Всегда бы спать съ собою клалъ.
А у тебя она лишь кости подбираетъ
И какъ случится спитъ!»
Все, что сосѣдъ ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ
И думаетъ: «Что? можетъ быть и впрямь
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ,
Хоть хорошо и здѣсь... отвѣдать бы пуститься;
А худо—и назадъ вѣдь можно воротиться».
Подумала, да и съ двора долой,
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ и другой,
Не только что куска того не получала,

Котораго, сосѣдъ сказалъ,
Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ, —
И костью съ нуждою случится
Собакѣ въ праздникъ поживиться.
Спать—хуже прежняго спала,
А сверхъ того еще привязана была.

И подѣломъ: зачѣмъ сбѣжала?
Впередъ, собака, знай, когда еще не знала,
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ
И отъ добра добра не ищутъ.

XXXV.

Великанъ и карлики.

Купались карлики. Къ нимъ великанъ пришелъ,
Который тожъ хотѣлъ
Купаться,
Да видитъ, для него рѣка
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мелка.
Ихъ спрашивать и добиваться:
Не знаютъ ли, гдѣ глубина?
«Поди туда, ему сказали:
Вотъ тамъ она».

И мѣсто указали.
Однако же, рѣка
Для великана все мелка,
Чтобы купаться.
Еще у нихъ онъ добиваться!
«Ну! говорятъ: такъ тамъ такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы черезъ это мѣсто плыли».
Но, все, гдѣ карлики и дна не находили,
Въ бродъ переходитъ великанъ.

Иному и въ дѣлахъ лужайка — океанъ.

XXXVI.

Волчье разсужденье.

Увидя волкъ, что шерсть пастухъ съ овецъ стрижетъ,
«Мнѣ мудрено, сказалъ: и я не понимаю,
Зачѣмъ пастухъ совсѣмъ съ нихъ кожу не деретъ.
Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю
И то-жъ въ иныхъ дворахъ господскихъ примѣчаю.
Зачѣмъ бы и ему не такъ же поступать?»
Слонъ, волчье слыша разсужденье,
«Я долженъ, говоритъ, тебѣ на то сказать:
Ты судишь такъ, какъ волкъ, а пастухово мнѣнье—
Овецъ своихъ не убивать.

Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ, наконецъ, съ кого и шерсть снимать».

XXXVII.

Желаніе кощея.

«Вотъ эту-бъ тысячу мнѣ только докопить,
А тамъ ужъ стану я довольствуяся жить»,
Сказалъ кощей, давно ужъ тысячи имѣя.
Сбылось желаніе кощея
И тысячу онъ докопилъ;
Однако же, кощей все недоволенъ былъ.
«Нѣтъ, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, болѣе желать не стану».
Увидимъ. Тысячу и эту онъ досталъ,
Однако, слова не сдержалъ
И тысячу еще желаетъ,
Но ужъ послѣднюю, въ томъ точно увѣряетъ.
Теперь онъ правду говорилъ:
Сегодня тысячу и эту докопилъ,
А завтра умеръ онъ и все его имѣнье
Досталося по немъ другимъ на расточенье.

Когда-бъ кощей иной,
Доходъ пріумножая свой,
Еще сегодня догадался,
И пользоваться имъ старался!

XXXVIII.

Паукъ и мухи.

«Постой, паукъ сказалъ:
Я чаю, я нашелъ причину,
Зачѣмъ еще большой я мухи не поймалъ,
А попадается все мелочь: дай, раскину
Пошире паутину;
Авось-либо тогда поймаю и большихъ».
Раскинувъ, нажидаетъ ихъ:
Все мелочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ,
Прорвется и сама, и паутину мчитъ.

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни оберпись, бѣда, —
Вотъ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда;
А маленькій наказанъ остается!

XXXIX.

Черви.

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ.
А черви — гадина такая
Въ саду, какъ язва моровая.
Какъ недуговъ такихъ
Найти, и не напасть на нихъ?
Не вытерпишь никакъ, чтобъ саду не вредили.
И тотъ, кто по саду ходилъ,
Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.
Лишь только ихъ разворошили,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будто бы войной противъ нея пошли;
На палку куча наступала,
А палка между тѣмъ все кучу разрывала.

Сатирой тронь дурныхъ писцовъ,
Не оберешься бранныхъ словъ.

XL.

Привязанная собака.

Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотѣла
И привязь стала-было рвать;
Не рвется привязь: грызть ее... и переѣла.
Но тою-жъ привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежняго собаку привязали.

XLI.

Хитрецъ.

Когда-то въ Лондонѣ хитрецъ одинъ сыскался,
Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ онъ весь, каковъ онъ есть
Съ руками
И съ ногами
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.

При чемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ,
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
За входъ по столько-то платить;
Начало ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть.

Пошли по городу листы.—«Ба! что такое?
Въ кувшинъ залѣзть? Что онъ съ ума сошелъ?
Пустое!
Гдѣ это слыхано? Да и дуракъ пойметъ,
Что способу тутъ нѣтъ,
Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться,
Однако, чтобы посмѣяться,
Пойдемъ и поглядимъ, что̀ это за чудакъ».
Ужъ съ чернью взапуски кареты поскакали
И ѣдучи купецъ съ милордомъ доказали,
Что нѣтъ физической возможности никакъ
Ему въ кувшинѣ умѣститься.
«Положимъ, говоритъ
Купеческа жена, что это онъ смудритъ
И какъ нибудь въ кувшинъ втѣснится;
Да вотъ что мудрено: какъ въ шейку-то пролѣзть?
Однако же, пора; ужъ безъ четверти шесть.
Эй, кучеръ, погоняй!»—Полгорода, собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,
Который хитреца великаго вмѣститъ.
«Что-жъ, скоро ли? одинъ другому говоритъ:
Пора бы ужъ начать». Кто палкою стучитъ,
Кто топаетъ ногой. Но долго дожидавшись,
Узнали, что хитрецъ и съ деньгами пропалъ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
Тотъ тѣмъ, другой другимъ обманщикъ промышляетъ
Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣхъ ихъ показывать и съ ними говорить,
Болѣзни всѣ лечить
Одними порошками.
И собирались то-жъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали,
Однако же, духовъ, какъ слышно, не видали,
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе нежели отъ прочихъ умирали.

XLII.

Соловей и вороны.

Кто какъ ни говори, что будто нѣтъ страстей
Въ животныхъ, какъ и межъ людей,
А зависть въ нихъ бываетъ
И, можетъ быть, людской еще не уступаетъ.

Свистъ соловья каковъ, извѣстно безъ того,
Чтобы хвалить его.
Что-жъ? вздумай на него воронья чернь озлиться
Изъ зависти, что онъ, когда бы пѣть ни сталъ,
Всѣхъ голосомъ своимъ прельщалъ.

«Намъ должно, говорятъ другъ другу, согласиться
Чтобъ соловью не дать ужъ больше отличиться,
Всѣмъ вмѣстѣ съ нимъ запѣть: когда онъ пѣть на чнетъ,
То голосъ весь его за нашимъ пропадетъ;
А если онъ и тутъ надъ нами верхъ возьметъ,
Такъ будемъ сказывать, что дурно онъ поетъ,
Всѣмъ тѣмъ, которые ни стали-бъ имъ прельщаться
Что? долго ли ему и впрямь торжествовать,
А намъ съ стыдомъ предъ нимъ воронамъ оставаться?
И только соловей свистать,
Воронье стадо ну кричать!
Но голосъ соловья не только не терялся,
Пріятнѣе еще по рощѣ раздавался.
Другой бы голосъ можетъ быть...
Да голосъ соловья хотѣли заглушить!
Теперь хотѣлъ бы я спросить:
Кого съ воронами поставить здѣсь въ сравненье?

Мое бы мнѣнье:
Къ нимъ сочинителей негодныхъ примѣнить,
Которые на стать воронью поступаютъ,
Когда на авторовъ хорошихъ нападаютъ
И клеветой хотятъ ихъ славу помрачить.

XLIII.

Оплошалая лисица.

Лисица много норъ съ отнорками имѣетъ,
И какъ о томъ одинъ ученый разумѣетъ,
Такъ это для того: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

Одна какая-то лисица оплошала,
Такъ что съ отнорками норы не прокопала.
Казалось, ей норы довольно и глухой.
Я думаю, что лѣнь была тому виной
(А лѣнь частехонько бываетъ намъ бѣдой).
Охотники въ норѣ лисицу ту застали;
Куда? нѣтъ выходу! и въ ней ее поймали.

Когда съ лисицы вдругъ о людяхъ говорить,
Какъ впрямь того не похвалить,
Кто съ осторожностью и въ службѣ поступаетъ,
Что напередъ себя мѣстами запасаетъ?
Сталъ новый командиръ изъ мѣста выживать,
Другое есть, куда пристать;
Хоть впрочемъ иногда случится,
Гдѣ статскій чинъ сидѣлъ, военный очутится,
Да дѣло здѣсь о томъ: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

XLIV.

Птичникъ и птичка.

Всѣ полководцы утверждаютъ,
Что хитростью подчасъ и силу побѣждаютъ,
А это точно такъ. Пришедши птичникъ въ лѣсъ,
Гнѣздо на деревѣ увидѣлъ и полѣзъ,
Чтобъ вынуть молодыхъ. Лишь только мать успѣла
Увидѣть птичника, то, чтобъ спасти дѣтей,
Тотчасъ долой съ гнѣзда слетѣла,
И притвориться такъ умѣла,
Какъ будто чуть жива; а птичникъ тутъ за ней,
Покинувши гнѣздо, гоняться,
Съ тѣмъ, что когда поймаетъ мать,
Дѣтей ужъ послѣ доставать.
Лишь птичникъ станетъ приближаться,
Она впередъ все да впередъ,
То кой-какъ пробѣжитъ немного, то вспорхнетъ.
Такъ птичника она манила все, манила
И отъ гнѣзда все далѣ отводила,
Пока онъ отъ нея отсталъ,
А дерева съ гнѣздомъ ужъ больше не сыскалъ.

XLV.

Домовой.

Пусть люди бы житья другъ другу не давали,
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!

Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ домового
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что̀ ночь, то домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такого,
Все дѣлалъ, что̀ онъ могъ: и ладаномъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
Ни двери, ни окна хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ чорта не поставилъ;
Но ни молитвой, ни крестомъ
Онъ отъ нечистаго не могъ освободиться.

Случилось стихотворцу въ домъ
Къ хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить,
А чтобъ ему смѣлѣе быть,
Когда нечистый появится,
Зоветъ его къ себѣ съ нимъ вечеръ проводить,
Потомъ просилъ его, чтобъ сдѣлать одолженье
Изъ собственныхъ стиховъ прочесть бы сочиненье.

И стихотворецъ, въ угожденье,
Одну изъ слезныхъ драмъ хозяину читалъ
(Однако, имя ей комедіи давалъ),
Которою хотя хозяинъ не прельщался,
Да сочинитель самъ, однако, восхищался.
Нечистый духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждавъ одного,
По кожѣ подрало его
И стало не видать. Хозяинъ догадался,
Что домовой чего-то не взлюбилъ;
Другого вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ,
И онъ читаетъ.
Нечистый только лишь придетъ,
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.
«Постой же, разсуждалъ хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ сатаною:
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!»
На третью ночь одинъ хозяинъ нашъ остался.
Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ; но чуть лишь только показался,
«Эй, малый, поскорѣй! хозяинъ закричалъ:
Чтобъ стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ».
Услыша это, духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,
Чтобы слуга остался;

И словомъ, домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.

Вотъ если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ,
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться!

XLVI.

Слѣпцы.

Шло нѣсколько слѣпцовъ, какъ всѣ слѣпые ходятъ,
Когда ихъ зрячіе не водятъ:
Почти, что шагъ пройдутъ,
Споткнутся или упадутъ.
Прохожій, чтобъ слѣпцамъ не столько спотыкаться,
Даетъ имъ палку опираться.
Взявъ палку, передомъ одинъ слѣпецъ пошелъ,
А за собой другихъ повелъ.
Пошли, другъ за друга держались,
И меньше прежняго при палкѣ спотыкались.
Вдругъ споръ между слѣпцовъ зашелъ:
Вожатымъ каждый быть хотѣлъ;

И споръ еще другой о палкѣ затѣваютъ:
Какого дерева почесть ее — не знаютъ.
Кто говоритъ,
Что палка та кленова;
Другой твердитъ:
Дубова.
И ощупью слѣпцы хотятъ о томъ судить,
Что̀ должно зрячему глазами различить.
Слѣпцы не могутъ согласиться,
И все сильнѣе споръ о палкѣ становится.
Изъ спора въ споръ слѣпцы, потомъ до бранныхъ словъ
Уже доходитъ межъ слѣпцовъ,
А тамъ и въ драку межъ собою,
И палкою другъ друга тою,
Котора имъ дана была, чтобъ ихъ водить,
Немилосердно бить.
Но все не думаютъ другъ другу уступить:
Хоть умереть готовы драться,
А въ спорѣ не поддаться.
И до того не унялись,
Пока на смерть передрались.

Вотъ такъ слѣпцамъ во вредъ служило,
Что̀ въ пользу ихъ дано имъ было!
А этакихъ слѣпцовъ,
Отъ ересей и спорныхъ словъ,
Которые они разсѣяли въ законы,
На свѣтѣ не одни погибли милліоны.

XLVII.

Друзья.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать.
Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать
И возъ его сквозь ледъ, къ несчастью, провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
«Ой, батюшки! тону, тону! ой, помогите!» —
«Ребята! что же вы стоите?
Поможемте!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
«Поможемъ», каждый подтвердилъ.
Но къ возу между тѣмъ никто не подходилъ;
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили,
А сверхъ того между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись.
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ,
А братній возъ ко дну идетъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались
И вытащили возъ на ледъ.

XLVIII.

Западня и птичка.

Задумалъ птичникъ птицъ ловить,
И западню ловить ихъ выставляетъ,
Наклавъ въ нее всего довольно ѣсть и пить.
А чтобы птицъ еще вѣрнѣе приманить,
Обманъ къ обману прибавляетъ,
И птичку въ западню сажаетъ,
Которую онъ изловилъ,
Когда тотъ самый онъ обманъ употребилъ,
Чтобъ птичка, въ клѣткѣ распѣвая,
Другимъ приманкою была
И, голосомъ своимъ прельщая,
Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ на добро, звала.
Одна изъ птичекъ налетѣла
И къ западнѣ на голосъ птички той
Подсѣла.
Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой,
Но, вдругъ, подумавши съ собой,
«Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,
Сомнителенъ мнѣ голосъ твой:
Не спроста здѣсь и ты, да и запасъ такой!
Я, правда, цѣлый день не ѣла,
Однако, въ тѣсноту такую не пойду,
А въ поле полечу: тамъ кормъ себѣ найду,
Какой я и всегда, хоть съ нуждою имѣла.

А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,
Да тѣсно жить!»

XLIX.

Заслуженный конь.

Былъ конь у барина, какихъ бываетъ мало:
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупого барина такого не бывало,
И только одного коня онъ и держалъ,
Который въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить въ пору было.
Конь сколько могъ служилъ, но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить,
И по прямому-бъ надлежало
Изъ благодарности коня по смерть кормить;
Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
Конь въ тягость сталъ ему:—онъ шлетъ его продать.
Но дряхлаго коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. «Ну, не хочу я болѣ
(Хозяинъ, осердясь, сталъ людямъ говорить)
Безпрокаго коня кормить:
Сгоните въ поле;
Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ».
И бѣднаго коня велѣлъ съ двора согнать.

Такого ли коню за службу воздаянья
Возможно было ожидать?
Въ нашъ вѣкъ хозяинъ пропитанья
Стыдился бы коню не дать.

L.

Зеленый оселъ.

Какой-то съ умысла дуракъ,
Взявъ одного осла, его раскрасилъ такъ,
Что станъ зеленый далъ, а ноги голубыя.
Повелъ осла казать по улицамъ дуракъ;
И старики и молодые,
И малый, и большой,
Гдѣ ни взялись, кричать: «Ахти! оселъ какой!
Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубыя!
О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхать.
Нѣтъ (городъ весь кричитъ), нѣтъ, чудеса такія
Достойно вѣчности предать,
Чтобъ даже внуки наши знали,
Какія рѣдкости въ нашъ славный вѣкъ бывали».
По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа,
А по домамъ окошки откупаютъ,
На кровли вылѣзаютъ,
Лѣса, подмостки подставляютъ.
Всѣмъ видѣть хочется осла, когда пойдетъ,

А всѣмъ идти съ осломъ дороги столько нѣтъ —
И давка вкругъ осла сказать нельзя какая:
Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.

Что-жъ?—два дни первые гонялся за осломъ
Безъ памяти народъ въ каретахъ и пѣшкомъ.
Больные про болѣзнь свою позабывали,
Когда зеленаго осла имъ вспоминали;
И няньки съ мамками, ребятъ чтобъ укачать,
Кота ужъ полно припѣвать,—
Осла зеленаго ребятамъ припѣвали.
На третій день осла по улицамъ ведутъ:
Смотрѣть осла уже и съ мѣста не встаютъ.
И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
Теперь совсѣмъ объ немъ забыли.

Какую глупость ни затѣй,
Какъ скоро лишь нова, чернь безъ ума отъ ней.
Напрасно сталъ бы кто стараться
Глупцовъ на разумъ наводить:
Ему же будутъ насмѣхаться.
А лучше времени глупцовъ препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умѣетъ ихъ учить. . .

LI.

Соловей и чижъ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей висѣли
И пѣли.
Лишь только соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Которая такъ хорошо поетъ.
Отецъ, обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
«Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ?» —
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ:
«Вотъ, батюшка, она!» сказалъ,
И всячески чижа мальчишка выхваляетъ:
«Какія перышки! куда какъ онъ пригожъ!
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Вотъ какъ мальчишка разсуждаетъ.
Да полно и въ житействѣ то-жъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто наряженъ богато и пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

LII.

Лошадь съ возомъ.

Когда-бъ приманчивость людьми не управляла,
Къ чему-бъ тогда годился свѣтъ?
Куда-бъ и не идти, теперь иной идетъ:
Приманчивость ведетъ.
А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала:
Я видѣлъ, лошадь возъ съ каменьями везетъ,
И очень лошадь ужъ пристала.
Возъ сѣна впереди идетъ;
То, чтобъ до сѣна ей добраться,
Она хоть черезъ мочь везти и надсѣдаться,
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

LIII.

Попугай.

У барина былъ попугай,
Который какъ-то невзначай
Отъ барина изъ дому
Въ окошко залетѣлъ
Къ крестьянину простому

И только прилетѣть успѣлъ,
Заговорилъ, что разумѣлъ.

Нерѣдко чернь, когда чего не понимаетъ,
За дьявольщину почитаетъ.
Мужикъ словесныхъ птицъ не видывалъ такихъ
И слышать не слыхалъ объ нихъ,
Счелъ, что влетѣла въ домъ духовъ нечистыхъ сила.
Жена его тотчасъ молитву сотворила
И какъ на выдумки хитрѣй его была
(Такъ какъ и вообще считаютъ,
Что будто жены всѣ хитрѣй мужей бываютъ),
Скорѣй горшокъ гдѣ ни взяла
И попугая имъ накрыла,
А сверхъ того
Крестомъ его,
Чтобъ крѣпче онъ сидѣлъ, накрывши заградила.
«Сиди же!» говоритъ;
И попугай мой подъ горшкомъ сидитъ.
Межъ тѣмъ взыскались попугая;
Людей вездѣ, куда лишь можно, разсылая,
Сыскали какъ-то слѣдъ. Пришли и подъ горшкомъ
Нашли его чуть-чуть живого.

На это что сказать иного:
Бѣда попасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ!

LIV.

Лошадь и оселъ.

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Добромъ же служитъ намъ самимъ,
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ,
И лошадь шла порожнякомъ,
А на ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
«Нѣтъ мочи, говоритъ: я, право, упаду,
До мѣста не дойду».
И проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье,
Хоть часть поклажи снять съ него.
«Тебѣ не стоитъ ничего,
А мнѣ-бъ ты сдѣлала большое облегченье»,
Онъ лошади сказалъ.
«Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!»
Сказала лошадь, отказалась.

Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.
И лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее одна
Съ ослиной кожей несть была принуждена.

LV.

Два купца.

Кощей, ты дурно поступаешь,
Когда лишь въ то живешь, что деньги собираешь
И первымъ ихъ своимъ блаженствомъ почитаешь:
Ну, если часъ такой найдетъ,
Что деньги есть, да хлѣба нѣтъ?
Вотъ ты мнѣ смѣхомъ отвѣчаешь,
Да смѣхъ твой можетъ быть пройдетъ:
Дай только разсказать мнѣ нѣчто напередъ.

Въ какомъ-то городѣ два человѣка жили,
Которы промысломъ купцами оба были.
Одинъ изъ нихъ въ то только жилъ,
Что деньги изъ всего копилъ;
Другой доходъ свой въ хлѣбъ оборотить старался.
Богатый деньгами товарищу смѣялся,
Что онъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ смѣхъ его спокойно принималъ
И хлѣбный свой запасъ все больше умножалъ.
Вдругъ войско къ городу съ осадой подступило;
Съ осадой, наконецъ, и голодъ наступилъ,
Теперь что у кого запасу къ счастью было,
Тотъ тѣмъ въ сей крайности и жилъ.
Богатый деньгами кощей безъ хлѣба былъ,
Купить его ко всѣмъ по городу метался:

За хлѣбъ одинъ кощей всѣ деньги отдаетъ,
Однако же, никто и денегъ не беретъ.
Что въ деньгахъ, если хлѣба нѣтъ?
Товарищъ лишь одинъ прибѣжищемъ остался.
Кощей въ числѣ другихъ несчастныхъ первый былъ,
Который хлѣба попросилъ
У самого того, кому онъ насмѣхался,
Что тотъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ и его питалъ,
И прочихъ жителей отъ голода спасалъ.
Какъ городъ взяли,
Всѣхъ жителей живыхъ застали,
А у кощея все богатство обобрали.
«Ну, что?» ему товарищъ говорилъ:
«Гдѣ золото твое, и гдѣ бы самъ ты былъ,
Когда-бъ я хлѣба не копилъ?»

LVI.

Счастливое супружество.

Вотъ, говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жили
И даже и по смерть другъ друга бы любили.
Ой! здѣшній свѣтъ,
Привыкнувъ клеветать, чего ужъ не взнесетъ!
Не стыдно ли всклепать напраслину такую?

Впредь не повѣрю въ томъ я больше никому,
И слухъ такой сочту лишь за молву пустую.
Я самъ свидѣтелемъ тому,
Что и согласіе въ супружествѣ бываетъ,
И тотъ, кто этому не вѣритъ, согрѣшаетъ.
А васъ, клеветниковъ, чтобъ навѣкъ устыдить,
Я буду вамъ примѣръ живой здѣсь говорить.
Послушайте. Чего-бъ жена ни пожелала,
Мужъ исполнять то все за свято почиталъ,
А и жена, чего-бъ и мужъ ни пожелалъ,
Равно безъ женскаго упрямства исполняла.
Одною ласкою и просьбою одной,
Какъ съ стороны, такъ и съ другой,
Взаимной волѣ угождали
И ссоры никогда между собой не знали:
Что нравилося ей, то нравилось ему.
Когда-жъ, бывало, что̀ противно одному,
Противно было то равно и для другого,
И я не видывалъ согласія такого,
Какое было между ихъ.
Какъ до вѣнца еще невѣста и женихъ
Стараются, чтобъ ихъ пороки скрыты были,
Такъ точно и они всегда,
Ставъ мужемъ и женой, взаимно ихъ таили,
Чтобъ въ домѣ не было досады никогда.
Послѣдній поцѣлуй, когда ужъ умирали,
Такъ страстенъ былъ, какъ тотъ, когда ихъ обвѣнчали;
И словомъ: жили до конца,

Какъ въ первый день живутъ, пришедши отъ вѣнца.

«А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?—»
Да сколько лѣтъ? Съ недѣлю и всего;
А безъ того
На сказку-бъ походило».

LVII.

Стряпчій и воры.

Какой-то стряпчій былъ всѣмъ стряпчимъ образецъ,
Такой дѣлецъ,
Что стряпческими онъ ухватками своими
Предъ всѣми стряпчими другими
Взявъ первенство, къ себѣ всѣхъ истцевъ приманилъ
И словомъ, такъ проворенъ былъ,
Что часто имъ и тотъ оправданъ оставался,
Который самъ суду въ винѣ своей признался
И судъ котораго на казнь ужъ осудилъ.

Въ покражѣ двухъ воровъ поймали
И должно по суду воровъ за то казнить,
А это воры знали.
Однако, какъ они о стряпчемъ то-жъ слыхали,
Что если за кого возьмется онъ ходить,
Бояться нечего, то стряпчаго сыскали,
Сулятъ ему, что за душей

Изъ краденныхъ и денегъ и вещей,
Лишь только-бъ ихъ оправить:
А пуще бы всего отъ смерти ихъ избавить:
Вѣдь тяжко умирать, какъ есть кому чѣмъ жить!
Надѣясь отъ воровъ подарки получить,
Сталъ стряпчій за воровъ ходить
И выходилъ, что ихъ на волю отпустили,
Всѣхъ вообще судей заставя разумѣть,
Что ихъ напрасно обвинили:
Вотъ въ свѣтѣ каково старателя имѣть!

Какъ скоро ихъ освободили,
Въ домъ стряпчаго снесли, что посулили,
Благодарятъ,
И впредь дарить его сулятъ.

Какъ это все происходило,
Что стряпчій отъ воровъ подарки принималъ
И съ ними въ радости на счетъ ихъ пировалъ,
Ужъ на дворѣ не рано было,
И сталъ гостей онъ унимать
Остаться переночевать,
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако, ночевать остались.

Лишь только въ домѣ улеглись,
За промыслъ гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и стряпчаго пожитки расщечили;

Потомъ до соннаго добрались самого
И въ барышахъ ему бока отколотили,
Оставя чуть живымъ его.

Кто плутнями живетъ и плутнямъ потакаетъ,
Отъ нихъ и погибаетъ.

LVIII.

Два богача.

Два были богача и оба въ тяжбѣ были;
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто можетъ все подробно знать?
Къ тому же толкъ инымъ дѣламъ проказнымъ дать
Не такъ-то чтобъ легко. Иные говорили,
Что споръ ихъ изъ куска земли;
Другіе,
Что будто бы долги какіе
Прапрадѣдовъ своихъ другъ на друга начли.
Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться
И у судей законъ и совѣсть откупить,
А недостаточные знаютъ:
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ незачѣмъ ходить.
Приказной формою дѣла ихъ въ судъ вступаютъ,
И каждой сторонѣ ихъ стряпчіе ласкаютъ
Что въ пользу дѣло окончаютъ.

Проходитъ годъ, другой, и близъ десятка лѣтъ,
Конца, однако, дѣлу нѣтъ.
Ужли судьи ихъ сговорились
Такъ долго дѣла не рѣшить?
Вотъ тотчасъ клеветать и на судей взносить,
И думать, что они изъ взятокъ согласились...
Какъ будто бы нельзя другимъ причинамъ быть,
Что дѣло тихо шло? Ну, какъ тутъ поспѣшить?
Съ годъ, говорятъ, по немъ въ однихъ архивахъ рылись.

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ споръ происходилъ,
Какой-то живописецъ былъ,
Который написалъ на богачей картину,
Такъ что нагими ихъ онъ въ ней изобразилъ,
И выставилъ въ народъ. Всѣ спрашивать причину;
Весь городъ толковать и говорить объ нихъ,
И только что рѣчей о богачахъ нагихъ.
Дошло о томъ до богачей самихъ.
Пошли смотрѣть картину
И видятъ дѣло такъ. Тронуло это ихъ:
Не удивительно. Готовы ужъ прошенье
На живописца подавать,
Чтобы безчестіе взыскать,
И въ тяжбѣ будучи, другую начинать.
«Какъ, говорятъ, снести такое поношенье?»
Пошли его спросить, однако, напередъ.
«Пожалуй, говорятъ, скажи: что за причина,
Что въ поруганье намъ написана картина

И выставлена въ свѣтъ?
Что, развѣ ты, мой другъ, сочелъ насъ дураками,
Чтобъ насмѣхаться такъ надъ нами?»
«Нѣтъ, живописецъ и сказалъ:
Не съ тѣмъ картину я писалъ,
Чтобъ мнѣ надъ вами насмѣхаться,
А только вамъ хотѣлъ картиною сказать,
Чего вамъ должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться».

LIX.

Стрекоза.

Все лѣто стрекоза въ то только и жила,
Что пѣла,
А какъ зима пришла,
Такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла.
И проситъ муравья: «Помилуй, муравей,
Не дай пропасть мнѣ въ крайности моей:
Нѣтъ хлѣба ни зерна, и какъ мнѣ быть не знаю.
Не можешь ли меня хоть чѣмъ нибудь ссудить,
Чтобъ ужъ хоть кое-какъ до лѣта мнѣ дожить?
А лѣто какъ придетъ, я, право, обѣщаю
Тебѣ все вдвое заплатить».—
«Да какъ же цѣлое ты лѣто
Ничѣмъ не запаслась?» ей муравей на это.
«Такъ, виновата въ томъ; да что ужъ, не взыщи:

Я запастися все хотѣла,
Да лѣто цѣлое пропѣла».—
«Пропѣла? Хорошо! поди-жъ теперь, свищи».
Но это только въ поученье
Ей муравей сказалъ,
А самъ на прокормленье
Изъ жалости ей хлѣба далъ.

LX.

Діонисій и министръ его.

Изволь пожалуй отвѣчать
Такъ, чтобъ и не солгать
И правду не сказать.

О Діонисіи, я чаю, всякій знаетъ,
Извѣстно всѣмъ, каковъ онъ былъ.
Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ,
А каково-жъ тому, кто при тиранѣ жилъ?
И я не радъ, что я объ немъ заговорилъ:
Не знаю, какъ бы поскорѣе,
Сказавъ объ немъ, что понужнѣе,
Оставить мнѣ его.

Разъ у министра своего
Потребовалъ онъ мнѣнье
(Когда какое-то, не помню, сочиненье

Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ),
Да съ тѣмъ, чтобъ онъ ему всю истину сказалъ.
Министръ привыкъ всегда безъ лести изъясняться
И самъ тиранъ его за правду почиталъ
И часто за нее прощалъ.
«Стихи, онъ отвѣчалъ тирану, не годятся».
Но тутъ не могъ тиранъ отъ злости удержаться:
Подъ караулъ отдать министра приказалъ.
Самъ передѣлалъ сочиненье.
Спустя дней нѣсколько, министра онъ призвалъ,
Чтобъ вновь его услышать мнѣнье.
Министръ ему теперь никакъ не отвѣчалъ,
А къ караульному, который тутъ случился,
Оборотился
И говоритъ ему: «Я долженъ отвѣчать,
Такъ поведи меня подъ караулъ опять».

LXI.

Лѣстница.

Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься,
А если иначе, все будетъ безъ пути.

Хозяинъ нѣкакій сталъ лѣстницу мести,
Да началъ, не умѣя взяться,

Съ ступеней нижнихъ месть. Хоть съ нижней сор
смететъ,
А съ верхней соръ опять на нижнюю спадетъ.
«Не безтолковъ ли ты?» ему тутъ говорили,
Которые при этомъ были:
«Кто снизу лѣстницу мететъ?»

На что бы походило,
Когда-бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было
Не съ высшихъ степеней, а съ низшихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

LXII.

Благодѣяніе.

Весьма похвально поступаетъ,
Кто бѣднымъ помогаетъ,
И лучше самому хоть съ нуждою прожить,
Чтобъ бѣднымъ удѣлить.

Смирена такъ разбогатѣла,
Что чистымъ золотомъ вдругъ милліонъ имѣла.
Достатокъ сей
Достался по духовной ей.
«Ну», говоритъ, «теперь ничто не помѣшаетъ
Мнѣ въ нуждѣ бѣднымъ помогать.
Хвала Творцу за благодать!

Пускай лишь только пожелаетъ
Кто помощи моей».
Лишь только молвила, и нищій у дверей:
«Подайте милостыню!» проситъ
И просьбу съ жалостью такою произноситъ,
Что всякъ бы тронутъ былъ. Смирена, мѣры нѣтъ,
Что̀ чувствуетъ и какъ за нищаго страдаетъ:
«Суди Богъ», говоритъ, «кто бѣдныхъ покидаетъ!» —
И нищему большой гнилой сухарь не сетъ.

LXIII.

Дѣлежъ львиный.

Оселъ съ овцой, съ коровой и съ козой
Когда-то въ пайщики вступили
И льва съ собою пригласили
На договоръ такой:
Что если звѣрь какой
На чьей нибудь землѣ въ тенета попадется
И звѣря этого удастся изловить,
То-бъ въ случаѣ такомъ добычу раздѣлить
По равной части всѣмъ, кому что доведется.

Случись,
Олень къ козѣ въ тенета попадись.
Тотчасъ другъ другу повѣстили
И вмѣстѣ всѣ оленя задушили.

Дошло до дѣлежа. Левъ тотчасъ говоритъ:
«Одна тутъ часть моя, и мнѣ принадлежитъ,
Затѣмъ что договоръ такой мы положили».
— Объ этомъ слова нѣтъ! — «Другая часть моя,
Затѣмъ что я
Львомъ называюсь
И первымъ между васъ считаюсь».
— Пускай и то! — «И третья часть моя,
По праву: кто кого храбрѣе;
Еще четверту часть беру себѣ же я,
По праву: кто кого сильнѣе,
А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же и простись».

LXIV.

Воля и неволя.

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой
Такой,
Что кости лишь однѣ да кожа.
И волку этому случись
Съ собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душой съ собакою схватиться

И ею поживиться,
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была собака
И не по немъ была бы драка.
Итакъ со стороны учтивой подошелъ,
Лисой къ ней началъ подбиваться,
Ея дородству удивляться
И всячески ее хвалить.
«Не стоитъ ничего тебѣ такимъ же быть»,
Собака говоритъ: «какъ скоро согласишься
Идти со мною въ городъ жить,
Ты будешь весь иной и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься.
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи
И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи,
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:
Все съ бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право, въ васъ?
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
Поджарые, худые!
Нѣтъ, то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь, не хочу, всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола,—такъ столько ихъ бываетъ,
Что некуда дѣвать!

А ласки отъ господъ ужъ подлинно сказать!»
Растаялъ волкъ, услыша вѣсть такую,
И даже слезы на глазахъ
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.
«А должность отправлять за это мнѣ какую?»
Спросилъ собаку волкъ. «Что? должность? ничего!
Вотъ только лишь всего:
Чтобъ не пускать на дворъ чужого никого,
Къ хозяину ласкаться
И около людей домашнихъ увиваться!»
Волкъ, слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ
И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него онъ ужъ и думать не хотѣлъ
И всѣхъ волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ на собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,
Что съ шеи шерсть у ней сошла.
«А это что такое,
Что шея у тебя гола?»
— Такъ, это ничего, пустое.
«Однако, нѣтъ, скажи».—Такъ, право, ничего.
Я чаю,
Это отъ того,
Когда я иногда на привязи бываю».
«На привязи?» тутъ волкъ вскричалъ,
«Такъ ты не все живешь на волѣ?»
— Не все, да полно, что въ томъ нужды? — песъ
сказалъ.
«А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ
Ни за что всѣхъ пировъ твоихъ:

Нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги!»
Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

LXV.

Оселъ, приглашенный на охоту.

Собравшись левъ звѣрей ловить,
Осла въ числѣ своихъ придворныхъ приглашаетъ,
Чтобъ на охоту съ нимъ сходить.
Оселъ дивится и не знаетъ,
Какъ милость эту разсудить,
Затѣмъ что этого родясь съ нимъ не случалось,
И сглупа показалось
Ему,
Что милость льва къ нему
Такая,
Его особу уважая.
«Вотъ», говоритъ,
«Вся мелочь при дворѣ меня пренебрегаетъ,
Бранитъ
И обижаетъ,
А самъ и царь,
Мой государь,
Сподобилъ милости, не погнушавшись мною,—
Такъ, знать, чего нибудь я стою.
И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?

Нѣтъ, полно уступать!» сказалъ.
Какъ членъ суда иной, что въ члены онъ попалъ,
Судейскую осанку принимаетъ,
Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ,
И что̀ ни дѣлаетъ и что̀ ни говоритъ,
Всегда и всякому, что членъ, онъ подтвердитъ,
И ежели кого другого не поймаетъ,
Хотя на улицѣ къ ребятамъ радъ пристать
И имъ, что членомъ онъ, сказать.
Въ письмѣ къ родным своимъ не можетъ удержаться,
Чтобъ членомъ каждый разъ ему не подписаться,
И словомъ, весь онъ членъ, и въ домѣ отъ людей
Все членъ по немъ до лошадей!

Такъ точно и оселъ мой началъ возноситься:
Не знаетъ какъ ему ступить;
Самъ бодрости своей не радъ. Чему-то быть!
Не всякому ослу случится
Льва на охоту проводить,
Да чѣмъ-то это все рѣшится?
Осла левъ на охоту брать...
Чтобъ съ царской милостью ослу не горевать!—

Звѣрей, которыхъ затравили,
Всѣхъ на осла взвалили,
И съ головы до ногъ всего
Обвѣсили его.
Тогда оселъ узналъ, что взятъ онъ на охоту,
Не въ уваженіе къ нему, а на работу.

LXVI.

Праздникъ деревенскій.

Мы въ прихотяхъ своихъ того не разбираемъ,
Во вредъ ли, въ пользу ли намъ то, чего желаемъ.

Сталъ праздникъ годовой въ деревнѣ наступать;
Кто празднику не радъ? Крестьяне дожидаться;
Всѣмъ тѣмъ, что надобно, на праздникъ запасаться
И съ радости впередъ уже располагать,
Какъ погулять,
Попировать,
Самимъ какъ въ гости побывать
И какъ гостей къ себѣ созвать.

Насталъ ихъ праздникъ, и настало
Ненастье съ праздникомъ, какого не бывало,
Такъ что ни вонъ изъ избъ. А правду всю сказать,
Такъ для народа
Тогда и погулять,
Какъ хороша погода.
А тутъ и дождь, и снѣгъ, и градъ,
Грязь по колѣни.
Крестьяне съ жалобой и въ пени;
Никто и празднику не радъ,
И къ богу вёдра приступили
(Язычники крестьяне были).

«Помилуй», говорятъ: «во весь мы круглый годъ
Покоя часу не имѣемъ:
То пашемъ мы, то жнемъ, то сѣемъ,
Когда не на себя, то на своихъ господъ.
Недѣля намъ въ году, чтобы повеселиться,
И та вотъ прахомъ вся пошла!
Погода до того все хороша была,—
Теперь на улицу не можно появиться».

«Неблагодарные!» богъ вёдра имъ сказалъ:
«Не знаете чего хотите.
Впередъ судьбу вы не гнѣвите.
Къ спасенью вашему я вамъ ненастье далъ:
Хлѣбъ на поляхъ у васъ совсѣмъ ужъ пропадалъ—
Зной жегъ его, а червь съѣдалъ».

LXVII.

Стадникъ.

Какой-то стадникъ шелъ
И стадо при себѣ коней съ ослами велъ.
Кони какъ должно выступаютъ,
Ослы шагаютъ, не шагаютъ:
Все понуканья ждутъ.
Однако же, и тутъ
Не много стадникъ успѣваетъ.
Оселъ—лѣнивый скотъ, объ этомъ всякій знаетъ.

Такъ понукать его не много помогаетъ.
И стадникъ погонялъословъ сперва пѣшкомъ,
Но наконецъ, уставъ, сѣлъ погонять верхомъ:
То пустится за тѣмъ, то за другимъ осломъ,
Того, другого понукаетъ:
Но столько же верхомъ, какъ пѣшій успѣваетъ,—
И выбился и самъ изъ силъ,
И лошадей пристановилъ.

Такъ часто господинъ съ дурнымъ слугою бьется,
А за негоднаго и добрымъ достается!

LXVIII.

Воинъ.

Во Франціи,—никакъ, я, право, позабылъ, —
Изъ воиновъ одинъ, который заслужилъ,
Чтобъ онъ пожалованъ крестомъ воинскимъ былъ,
Не получилъ сего, однако, награжденья.
Хоть часто кавалеромъ сталъ,
Кто отъ сраженья
Не разъ бѣжалъ,
Да чрезъ друзей чего иной не получалъ?
Прямая иногда заслуга не заслуга,
Когда предстателемъ кто не имѣетъ друга.
Достойный воинъ сей свою обиду сноситъ
И награжденія приличнаго не проситъ.

Увидѣвъ воина, герой
Другой,
Который, съ нимъ служа, не разъ при томъ случался,
Какъ съ непріятелемъ, бывало, тотъ сражался
И побѣждалъ его: «Возможно-ль», говорилъ,
«Что ты еще креста не получилъ,
Когда ужъ двадцать разъ его ты заслужилъ?
Я, право, въ просьбу бы вступилъ;
Авось-либо тебѣ его и дать прикажутъ».
— Нѣтъ, отвѣчалъ другой, пускай мнѣ лучше скажутъ,
За что креста я не прошу,
А не за что̀ я крестъ ношу?

LXIX.

Муравей и зерно.

Готовя муравей запасъ, нашелъ зерно,
Промежду мелкими одно
Зерно весьма, весьма большое.
Не муравью бы съ нимъ, казалось, совладать,
Да нѣтъ, дай муравью зерно большое взять.
«Зерно», онъ думаетъ, «такое
Одно на цѣлую мнѣ зиму можетъ стать»,
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ стѣны съ запасомъ этимъ шла:

Ну муравей тащить, трудиться
И вдоль стѣны съ зерномъ лѣпиться;
Вдругъ тягость все перемогла
И муравья съ стѣны и съ грузомъ сорвала,
И въ сторону зерно, а муравей—въ другую.

Не трогая страну людскую,
Мнѣ только муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать.

LXX.

Лѣнивые и ретивые кони.

Въ однѣхъ повозкахъ шли ретивые кони,
Въ другихъ — лѣнивые. Пришедъ къ горѣ они,
Лѣнивые ни съ мѣста: стали.
А вѣдь въ дорогѣ не стоять,
Такъ должно что нибудь начать.
Побившись, способу другого не сыскали,
Чтобъ помощь этому подать,
Какъ лошадей лѣнивыхъ
Вонъ выпрячь изъ возовъ и впрячь коней ретивыхъ.
Повозку только лишь взвезутъ,
Другую ихъ везти опять перепрягутъ.
Да что-жъ? Когда кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву на тотъ же лугъ пустили.

Я самъ въ себѣ, случившись тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ, какой лѣнивому, даютъ.

LXXI.

Куры и галка.

Хозяинъ курамъ корму дать
Сталъ крохи хлѣба имъ кидать.
Крохъ этихъ поклевать
И галка захотѣла,
Да той отваги не имѣла,
Чтобъ подойти къ крохамъ. Когда-жъ и подойдетъ,—
Кидая ихъ, рукой хозяинъ лишь взмахнетъ,
Все галка прочь да прочь, и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ,
А куры между тѣмъ, какъ робости не знали,
Клевали крохи да клевали.

Во многихъ случаяхъ на свѣтѣ такъ идетъ,
Что счастіе иной отвагой получаетъ
И смѣлый тамъ найдетъ,
Гдѣ робкій потеряетъ.

LXXII.

Невѣжество и скупость.

Отъ зла и одного чего не отродится!
Что-жъ, если вмѣстѣ ихъ и болѣе случится?!

Невѣжда, и притомъ скупой,
По милости судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну старинную статую,
Такую,
Что, говорятъ, теперь не сдѣлаютъ такой
Работы мастерской.
Тотчасъ невѣжество и скупость вобразили
Въ статуѣ этой вещь, въ которой деньги скрыли,
И чтобы вынуть ихъ, такую вещь разбилъ,
Которой, можетъ быть, цѣны не находили,
Тогда, когда ее художникъ сотворилъ.

LXXIII.

Имѣніе и ссора.

Не вѣсть разбойники, не вѣсть князьки какіе,
Да только люди не простые,
И счетомъ двое ихъ всего
(То-есть: вотъ этихъ только двое,
А ихъ число совсѣмъ другое),

Съ своими войсками сосѣда своего
Сложились выгнать вонъ изъ кровнаго владѣнья
И раздѣлить потомъ промежъ собой его.
Ну, какъ отступишься безспорно отъ имѣнья,
Да отъ имѣнія родного своего?
Гдѣ между частныхъ споръ случится объ имѣньи,
Тамъ можно способы черезъ судей найти
Кое-какъ ссору развести,
Но въ этомъ ссорномъ положеньи,
Гдѣ всякъ считался самъ большой,
Чѣмъ тутъ рѣшить, какъ не войной?
Пошла война: людей безъ счету побивали,
Такъ что со стороны смотрѣть и тѣ устали,
Которые войной и грабежомъ живутъ.
А должно знать, что тутъ
Ни мало не на стать поэмъ происходило,
Гдѣ войска за себя боговъ пускаютъ въ бой,
Какъ скоро только лишь сраженье наступило:
Здѣсь каждый самъ дрался безъ помощи чужой
И вотъ зачѣмъ людей такъ много побивали.
И для того иной желалъ,
Чтобъ ужъ хоть правый проигралъ,
Лишь только-бъ драться перестали.
«Да что?» тутъ нѣкто разсуждалъ:
«Хоть ссориться втроемъ уймутся,
Ставъ двое, изъ того-жъ имѣнья подерутся!»

LXXIV.

Добрый царь.

Какой-то царь, принявъ правленье,
Съ нимъ принялъ также попеченье
Счастливымъ сдѣлать свой народъ,
И первый шагъ его былъ тотъ,
Что издалъ новое законамъ учрежденье
Законамъ старымъ въ поправленье;
А чтобъ исправнѣе законъ исполненъ былъ,
То старыхъ и судей онъ новыми смѣнилъ.
Законы новые даны народу были
И новые судьи, чтобъ лучше ихъ хранили.
Во всемъ и вся была отмѣна хороша,
Когда-бъ не старая въ судьяхъ иныхъ душа.
А тотчасъ это зло поправить
Царь способовъ не находилъ,
Но долженъ это былъ
И воспитанію, и времени оставить.

LXXV.

Домъ.

Былъ домъ, хотя и небольшой,
Однако же, такой,
Что выгодъ не недоставало:

Жить можно было въ немъ.
Да кто когда доволенъ чѣмъ?
Любимое людское слово: мало,
То есть, когда не дать,
Но взять.
А слова этого хозяинъ то-жъ держался:
Все тѣсенъ домъ ему казался,
Какихъ построекъ онъ къ нему ни прибавлялъ.
Домъ, наконецъ, не домъ, а цѣлый городъ сталъ.
Чѣмъ домъ обширнѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья,
Чтобъ не дошелъ до разоренья.
Сперва таки его хозяинъ содержалъ,
Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья,
Чтобъ домъ исправно содержать,
Не стало болѣ доставать;
Вѣдь самому не раздѣлиться,
Чтобъ все успѣть обнять собой,
А на присмотръ чужой нѣтъ хуже положиться:
Чужой не видитъ глазъ того, что видитъ свой.
Домъ все ветшае становится:
Въ томъ мѣстѣ починятъ, въ другомъ,
А въ десяти мѣстахъ валится.

Пусть это домъ,
А сколько государствъ, которыя упали,
Когда безмѣрное пространство получали?
И я бы на совѣтъ такой
Весьма охотно согласился,

Что лучше домъ имѣть исправный небольшой,
А нежели дворецъ, который развалился.

LXXVI.

Лисица и сорока.

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
«Что̀ таки ты весь день изволишь говорить?»
Съ сорокой свидѣвшись, лисица ей сказала:
«Я чаю, что тебя послушать разсуждать,
Есть подлинно что̀ перенять».
— Все, что я говорю, сорока отвѣчала, —
Относится къ тому, чтобъ истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней;
И я большимъ моимъ стараньемъ въ томъ успѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Предъ всѣми прочими найти ее умѣла,
Съ летучей мыши до орла.

«Большое-бъ», говоритъ лисица, «одолженье
Такое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла». —

Какъ на каѳедрѣ врачъ глубоко-изученный,
И знаньемъ и своей особой зараженный,
Когда готовится преподавать урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры пошагаетъ,
Съ осанкой въ носовой свой шелковый платокъ

Утрется и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно, на суку сорока находясь
И поученіе давать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала,
Потомъ, принявъ лица ученѣйшаго видъ,
«Я рада всѣмъ служить, что̀ знаю», говоритъ:
«Я не люблю своимъ таиться дарованьемъ:
Пусть пользуются всѣ открытымъ мнѣ познаньемъ.
Не такъ ли? Ты вѣдь у себя
Четыре все ноги считала?
Но не четыре ихъ! Хоть странно для тебя,
Однако, должно знать: чего-бъ я ни сказала,
Безъ доказательства еще не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда:
Примѣтила ли ты когда:
Какъ скоро ступишь ты, нога твоя въ движеньи?
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Да полно, этимъ я не все еще сказала,
А слушай, что теперь я стану говорить,
Чего большимъ трудомъ недавно я узнала:
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То ты не иначе какъ по землѣ ступаешь.
Примѣть же ты свой хвостъ, и ты тогда узнаешь,
Что всякій разъ, когда нога твоя шагнетъ,
За нею то-жъ и хвостъ подастся твой впередъ;
И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
Точнехонько и хвостъ твой такъ же выступаетъ,

Когда на ловлю куръ изволишь ты ходить.
Изъ этого теперь выходитъ заключенье,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, сударыня, на ваше предложенье
Вамъ съ доказательствомъ рѣшенье».

Какъ, право, веселитъ, что даже межъ скотовъ
Способности большихъ умовъ,
Дающихъ всѣмъ вещамъ и толкъ, и объясненье!
Мнѣ это важное сороки разсужденье
Лисица, разсказавъ заподлинно сама,
Промолвила при томъ отъ хитрости ума:
«Чѣмъ меньше свѣдущи скоты и чѣмъ глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе».

LXXVII.

У с л у г а.

Во всякомъ случаѣ незнаніе бѣда.
Считаешь иногда:
«На что мнѣ этому учиться?
Когда-то до меня о томъ еще дойдетъ?»
Дойдетъ ли, или нѣтъ,
Все то, что̀ знаешь, пригодится.
А ежели чего случится и не знать,
Такъ лучше ужъ не приниматься,
Чѣмъ послѣ со стыдомъ остаться.

Какъ нѣкто, думая услугу показать,
Въ саду взялся траву пустую вырывать,
Однако, въ травахъ толкъ не зная,
Противную совсѣмъ услугу показалъ:
Негодную траву за годную считая,
Ту оставлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

LXXVIII.

Перепелка съ дѣтьми и крестьянинъ.

Прилежность и труды въ дѣлахъ употребя —
Надежда лучшая къ успѣху на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзда вьютъ,
Когда хлѣба еще далеко не цвѣтутъ,
А не тогда, когда почти ужъ поспѣваютъ,
То есть порой
Такой,
Когда весна лишь наступаетъ
И вдвое все что есть любиться заставляетъ
Да думать, какъ дружка найти,
Чтобъ родъ и племя вновь съ дружкомъ произвести.
Одна, не знаю какъ, однако, опоздала,
Такъ что гнѣзда себѣ порою не свила,
А стала вить, когда пора почти прошла,

И въ полѣ рожь ужъ поспѣвала;
Однако, молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ,
Да только что летать не сможатъ,
И дѣтямъ говоритъ:
«Охъ, дѣти! эта рожь намъ не добромъ грозитъ:
Того и жди, что насъ отсюда потревожатъ;
Однако, слушайте: я стану отлетать
Вамъ корму промышлять,
А вы смотрите:
Хозяинъ этой ржи какъ станетъ приходить,
Такъ, что̀ ни будетъ говорить,
Все до послѣдняго мнѣ слова разскажите».
Пришедши днемъ однимъ хозяинъ между тѣмъ,
Какъ перепелка отлетѣла:
«А! рожь-то», говоритъ, «совсѣмъ,
Какъ вижу я, уже поспѣла.
Пойти-было друзьямъ, пріятелямъ сказать,
Чтобъ съ свѣтомъ помогли мнѣ эту рожь пожать».
И! тутъ, помилуй Богъ, какая
Тревога сдѣлалась промежъ перепелятъ!
«Ахъ, матушка! ахти!» кричатъ:
«Друзей, пріятелей сбирая,
Рожь хочетъ съ свѣтомъ вдругъ пожать».
— И! говоритъ имъ мать:
Пустое! нечего бояться.
Мы можемъ, гдѣ мы есть, съ покоемъ оставаться.
Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ.

Да только завтра то-жъ смотрите,
Что̀ ни услышите, мнѣ все перескажите.

Пришелъ хозяинъ, ждать-пождать: нѣтъ никого!
«Вотъ,» говоритъ, «до одного
Всѣ обѣщались быть, а сами не бывали.
Надѣйся! Ну, пойти-жъ родню свою собрать,
Чтобъ завтра поутру пришли и рожь пожали».
Тревога межъ перепелятъ
Гдѣ пуще прежняго! «Роднѣ своей», кричатъ,
«Роднѣ, онъ сказывалъ, сбираться!»
— Все нечего еще бояться,
Сказала мать, когда лишь только и всего.

Пришелъ хозяинъ такъ, какъ приходилъ и прежде,
Да видитъ, и родни нѣтъ также никого.
«Нѣтъ», говоритъ, «въ пустой, какъ вижу, я надеждѣ!
Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.
До своего добра никто таковъ какъ самъ.
Знать, завтра поутру съ семьею приниматься
Хлѣбъ этотъ помаленьку сжать».
— Ну, дѣти! тутъ сказала мать: —
Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться. —
Тутъ кто поршкомъ,
Кто кувыркомъ
Ну поскорѣе убираться.

LXXIX.

Привиллегія.

Какой-то вздумалъ левъ указъ публиковать,
Что звѣри могутъ всѣ впередъ, безъ опасенья,
Кто только смогъ кого, душить и обдирать.
Что̀ лучше быть могло такого позволенья
Для тѣхъ, которые дерутъ и безъ того?
Объ этомъ чтобъ указѣ знали,
Его два раза не читали.
Ужъ то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь могъ съ кого,
Похваливаютъ знай указъ, да обдираютъ.
Душъ, душъ погибло тутъ,
Что ихъ считаютъ, не сочтутъ!
Лисицѣ мудрено, однако, показалось,
Что позволеніе такое состоялось:
Звѣрямъ указомъ волю дать
Повольно межъ собой другъ съ друга кожи драть!
Весьма сомнительнымъ лисица находила,
И въ разсужденіи самой, и всѣхъ скотовъ.
«Повывѣдать бы льва!» лисица говорила,
И львиное его величество спросила,
Не такъ чтобъ прямо, нѣтъ,—какъ спрашиваютъ
львовъ,
По-лисьи, на вѣсы кладя значенье словъ,
Все хитростью, обиняками,
Все гладкими придворными словами:

«Не будетъ ли его величеству во вредъ,
Что звѣри власть такую получили?»
Но сколько хитрости ея ни тонки были,
Левъ ей, однако же, на то ни да, ни нѣтъ.
Когда-жъ по львову расчисленью
Указъ ужъ дѣйствіе свое довольно взялъ,
По высочайшему тогда соизволенью
Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться указалъ.

Тутъ тѣ, которые жирнѣе всѣхъ казались,
Назадъ уже не возвращались.
«Вотъ я чего хотѣлъ», лисицѣ левъ сказалъ,
«Когда о вольности указъ такой я далъ:
Чѣмъ жиръ мнѣ по клочкамъ сбирать съ звѣрей трудиться,
Я лучше дамъ ему скопиться.
Султанъ вѣдь также позволяетъ
Пашамъ съ народа частно драть,
А самъ ужъ кучами потомъ съ пашей сдираетъ:
Такъ я и разсудилъ примѣръ съ султана взять».
Хотѣла-было тутъ лисица въ возраженье
Сказать свое объ этомъ мнѣнье
И изъясниться льву о слѣдствіи худомъ,
Да вобразила то, что говоритъ со львомъ...

А мнѣ хотѣлось бы, признаться,
Здѣсь объ откупщикахъ словцо одно сказать,
Что также и они въ число пашей годятся,
Да также думаю по-лисьи промолчать.

LXXX.

Поборъ львиный.

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
Не помню, право, я, за множествомъ, какихъ,
Опредѣленныхъ льву съ звѣринаго народа
(Такъ, какъ бы, напримѣръ, крестьянскій нашъ народъ
Даетъ оброки на господъ),
И масло также шло для львина обихода.
А этотъ такъ же сборъ, какъ всякій и другой,
Имѣлъ приказъ особый свой,
Особыхъ и звѣрей, которыхъ выбирали,
Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать,
А сборщиковъ не мало было.
Да рѣчь и не о томъ; мнѣ хочется сказать
То, что̀ при сборѣ томъ и какъ происходило:
Большая часть изъ нихъ, его передавая,
Катала въ лапахъ напередъ,
А масло вѣдь къ сухому льнетъ,
Такъ слѣдственно его не мало
Къ звѣринымъ лапамъ приставало;
И царскимъ пользуясь добромъ,
Огромный масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.
Однако, какъ промежъ скотами,
Какъ и людскими то-жъ душами,
Не всѣ бездѣльники, а знающія честь

И совѣстныя души есть,
То эти въ лапахъ комъ не только не катали,
Но сверхъ того еще ихъ въ воду опускали,
Чтобъ масло передать по совѣсти своей.
Ну, если бы честныхъ звѣрей
При сборѣ этомъ не сыскалось,
То сколько-бъ масла льву досталось?

Не знаю, такъ ли я на вкусъ людей судилъ;
Я льву, на жалобу объ этомъ, говорилъ:
«Гдѣ сборы,
Тамъ и воры;
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство»

LXXXI.

Слѣпой левъ.

Былъ левъ слѣпой, а быть и знатному слѣпымъ
Дурное, право, состоянье.
Давай, хоть не давай левъ подданнымъ своимъ
О чемъ какое приказанье,
Иль правду въ томъ
Или въ другомъ
Не думай левъ узнать: обманутъ былъ кругомъ.
Я самъ не разъ бывалъ при томъ,
Когда, пришедши, льву лисица рапортуетъ,

Что львовъ запасный дворъ находится у ней
Во всей сохранности своей,
А первая съ двора запаснаго воруетъ,
Да и другимъ даетъ съ собою воровать,
Чтобъ только ей не помѣшать.
Волкъ то-жъ, бывало, льву наскажетъ,
Когда онъ наловить ему звѣрей прикажетъ,
Что ловъ сегодня былъ дурной
И только лишь ему попался звѣрь худой,
А жирныхъ между тѣмъ звѣрей себѣ оставитъ
И чтобъ повѣрилъ левъ, свидѣтелей поставитъ.
И словомъ, всякъ, кому по должности дойдетъ
Льву донести о чемъ, что̀ хочетъ, то налжетъ,
И кромѣ воровства и лжи не жди другого
Отъ малаго и до большого.

Слѣпого льва легко обманывать звѣрямъ,
Такъ, какъ иныхъ господъ слугамъ.

LXXXII.

Стрѣлка часовая.

Когда-то стрѣлка часовая
На башнѣ городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой,
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье,

«Не должно-ль», говоритъ, «имѣть ко мнѣ почтенье
Всему я городу служу какъ бы въ законъ;
Все, что̀ ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ съѣзжаются въ суды и выѣзжаютъ;
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И словомъ, только часъ я нужный покажу,
Такъ точно будто прикажу.
Да я-жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Такъ что весь городъ подо мной;
Всѣмъ видима и все я вижу подъ собой.
А вы что значите? кто видитъ васъ?» — «Постой;
Нельзя ли какъ нибудь потише,
И слово дать
И намъ сказать?»
Другія части отвѣчали:
«Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы собственно ни во̀ что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Какъ часто хвастаетъ и человѣкъ иной,
Который за себя работать заставляетъ,
А тамъ себя другихъ трудами величаетъ».

LXXXIII.

Оселъ въ уборѣ.

Одѣнь невѣжду
Въ богатую одежду,
Не сладишь: и ослы тогда
Считаютъ, что они большіе господа.
Не помню прямо я, по случаю какому
Отправилъ левъ осла,
Но, разумѣется, не въ качествѣ посла,
Къ сосѣду своему и другу, льву другому,
Какіе-то никакъ ему подарки снесть.
Посольство отправлять у льва лисица есть,
Но хоть подарки снесть осла употребили,
Однако, все его богато нарядили,
Хотя-бъ турецкаго султана ослѣпить
И на войну его или на миръ склонить.
Не вспомнился оселъ въ уборѣ, взбѣленился,
Лягается и всѣхъ толкаетъ, давитъ, бьетъ;
Дороги ни встрѣчнымъ, ни поперечнымъ нѣтъ;
Ни откупщикъ еще такъ много не гордился,
Самъ левъ съ звѣрьми не такъ сурово обходился.
Ословъ поступокъ сей
Противъ достойнѣйшихъ звѣрей
Сталъ, наконецъ, имъ не въ терпѣнье:
Пришли и на осла льву подали прошенье,
Всѣ грубости ему ословы разсказавъ.

Левъ, просьбу каждого подробно разобравъ,
Не такъ какъ львы съ звѣрьмй иными поступаютъ
Что ихъ и на глаза къ себѣ не допускаютъ,
А судъ и дѣло ихъ любимцы отправляютъ;
И такъ какъ левъ звѣрей обиду всю узналъ,
И видя, отчего оселъ такъ поступаетъ,
Осла призвавъ, ему сказалъ,
Чтобъ о себѣ, что онъ, оселъ, не забывалъ:
«Твое достоинство и чинъ опредѣляетъ
Одинъ уборъ твой
Золотой,
Другихъ достоинство умы ихъ отличаетъ».
И, наказавъ осла, левъ снять уборъ велѣлъ,
А какъ оселъ другихъ достоинствъ не имѣлъ,
То безъ убора сталъ опять простой оселъ.

LXXXIV.

Левъ сватъ.

Левъ, сказывали мнѣ, любовницу имѣлъ
(Вѣдь занимаются любовными дѣлами
Не только межъ людьми, но также межъ скотами)
И жаръ къ любовницѣ его охолодѣлъ.
А для того онъ то-жъ (какъ люди поступаютъ,
Что за другого съ рукъ любовницу сживаютъ,
Когда соскучится имъ все одну любить)
Хотѣлъ красавицу, но не безчестно, сжить;

Онъ барса пестраго хотѣлъ на ней женить.
Но какъ онъ ни старался,
Женихъ замѣченный никакъ не поддавался.
Да левъ бы только приказалъ:
Любить указъ вѣдь не дается,
А въ случаяхъ такихъ политика ведется
И у звѣрей,
Какъ у людей.
Къ тому же дѣло щекотливо
Любовницу себѣ въ жены такую взять,
Котору ищетъ самъ любовникъ съ рукъ отдать,
А потому ничуть не диво,
Что жениха не могъ невѣстѣ онъ сыскать,
Но свадьбы не хотѣлъ ужъ больше отлагать:
Безъ всѣхъ чиновъ осла онъ прямо избираетъ:
«Послушай», говоритъ: «назначилъ я тебя
Любовницы моей супругомъ.
Возьми ее ты за себя,
А я за то тебя
Пожалую въ чины, и будешь ты мнѣ другомъ».
Осла, не какъ другихъ, раздумье не беретъ,
Оселъ въ безчестьи не зазоренъ,
На предложенье льва оселъ тотчасъ сговоренъ,
Сказавъ: «Хоть чести мнѣ въ женитьбѣ этой нѣтъ,
Какъ говоритъ и судитъ свѣтъ,
Да милость львиную она мнѣ обѣщаетъ;
Къ тому и межъ людьми то-жъ самое бываетъ».

LXXXV.

Пчела и курица.

Съ пчелою курица затѣяла считаться
И говоритъ пчелѣ: «Ну, подлинно, пчела,
Что въ праздности одной ты вѣкъ свой изжила:
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтки съ цвѣтковъ летать
И только медъ съ нихъ собирать.
Да полно и о чемъ иномъ тебѣ стараться?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ
И въ день по яицу хозяину несемъ».
«Не смѣйся, курица», пчела на то сказала:
«Ты думаешь, чтобъ я тебѣ въ томъ подражала,
Когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла, и всѣмъ о томъ твердишь.
А я, ты думаешь, безъ дѣла все бываю,
Затѣмъ что я труды свои не разглашаю.
Нѣтъ,
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни: споръ тотчасъ нашъ рѣшится;
Узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится.
Съ цвѣтковъ же медъ сбираемъ мы другимъ,
А что при нашей мы работѣ не шумимъ,
Такъ вѣдай ты, что мы не хвастуны родились,
А тотъ, кто хочетъ разсуждать,
Въ чемъ мы трудами отличились,

Учиться долженъ вкусъ въ сотахъ распознавать.
Къ тому-жъ природа насъ и жаломъ наградила
И какъ употреблять его, насъ научила,
Чтобъ имъ наказывать несносныхъ хвастуновъ
И пустослововъ тѣхъ глупцовъ,
Которы о дѣлахъ такъ вредно разсуждаютъ,
А сами ихъ не понимаютъ.
Такъ полно, курица, болтать,
Чтобъ жала моего тебѣ не испытать».

Пренебрегатели поэзіи, внемлите,
(Которые ее злословіемъ язвите):
Примѣромъ притча вамъ здѣсь можетъ послужить.
Поэзія пчелой смиренной можетъ слыть,
И вотъ примѣра вамъ начало;
А курицы пусть здѣсь хулитель приметъ видъ,
И притча вамъ тогда всю правду говоритъ.
Хулитель! можно ли, что будто бы ни мало
Въ поэзіи наукъ, ни пользы не бывало?
Уймись, хулитель, ты, въ злословіи, постой;
Ты пользу тѣмъ самимъ ужъ видишь надъ собой,
Что притча истину лицомъ изображаетъ,
Котору безъ лица глупецъ не понимаетъ.

LXXXVI.

Вдова.

Нѣтъ, полно больше согрѣшать
И говорить, что женъ такихъ нельзя сыскать,
Которыя мужей сердечно бы любили
И послѣ смерти ихъ тотчасъ не позабыли.
Я самъ, признаться, въ томъ грѣшилъ
И легкомыслія порокъ на женъ взносилъ,
Но нынѣ всякій разъ готовъ за женъ вступиться
И въ вѣрности къ мужьямъ за нихъ хоть побожиться
Жена, лишась супруга,
«Лишилась», вопіетъ, «тебя я, мила друга,
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить».
Жена терзаться, плакать, рваться,
Жена не спать, не ѣсть, не пить,
Жена на то идетъ, себя чтобъ уходить.
Что̀ ей ни говорятъ и какъ ни унимаютъ,
Что̀ въ утѣшеніе ея ни представляютъ,
Отвѣтъ жены лишь тотъ: «Жестокіе, мнѣ-ль жить,
Мнѣ-ль жить, лишася друга мила?
Нѣтъ, жизнь моя—его осталася могила».
А этимъ всѣмъ ея отчаяннымъ словамъ
Свидѣтель точный былъ я самъ.
Вотъ мужа какъ жена любила.
Возможно-ль быть,
Чтобъ мужа мертваго такъ горячо любить?

Везутъ покойника къ могилѣ хоронить
И опускаютъ ужъ въ могилу...
Жена туда же къ другу милу...
Ужли-бъ и впрямь себя зарыть дала?
Нѣтъ, такъ бы замужемъ чрезъ мѣсяцъ не была!

LXXXVII.

Чужая бѣда.

Ужли чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ везъ сѣна возъ на рынокъ продавать.
Случился косогоръ: возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать
И очень долго съ возомъ бился,
Да видитъ, одному ему не совладать:
Прохожихъ въ помощь призываетъ,
Того, другого умоляетъ.
Тотъ мимо и другой,
Всякъ про себя ворчитъ: «Да что ста, возъ не мой,
Чужой!»
Услуга никогда въ потерю не бываетъ.

LXXXVIII.

Статуя.

Художникъ нѣкакій, рѣщикъ,
Въ художествѣ своемъ и славенъ и великъ,
Задумалъ вырѣзать статую
Такую,
Которая-бъ могла ходить
И говорить
И съ виду человѣкомъ быть.
Рѣщикъ статую начинаетъ,
Все мастерство свое рѣщикъ истощеваетъ.
Статуя движется, статуя говоритъ
И человѣческій во всемъ имѣетъ видъ;
Но все статуя та не человѣкъ,—машина:
Статуя дѣйствуетъ, коль дѣйствуетъ пружина;
Статуѣ нравственной души недостаетъ.

Искусствомъ чувствъ не дашь, когда природныхъ нѣтъ.

LXXXIX.

Буквы.

Чтобы ученыхъ отучить
Въ пустыхъ словахъ искать и тайну находить,
Которую они по ихъ рѣчамъ находятъ

И, съумасбродствуя, другихъ въ безумство вводятъ,
Не помню, царь земли какой
Ихъ шуткой осмѣялъ такой.
Подъ городомъ однимъ развалины стояли,
Остатки башенъ городскихъ,
А около отломки ихъ,
Землей засыпаны, лежали.
На сихъ обломкахъ царь, ученымъ въ искушенье,
Изсѣчь по буквѣ приказалъ,
Потомъ тѣ буквы на рѣшенье
За рѣдкость по своимъ ученымъ разослалъ.
«Посмотримъ», царь сказалъ,
«Какое выведутъ ученые значенье.
Ужъ то-то толки тутъ
Пойдутъ!»
И подлинно, пошли: хлопочутъ, разбираютъ,
Чтобъ тайный смыслъ найти словамъ.
Разсылка буквъ по всѣмъ ученымъ и землямъ;
Всѣ академіи къ рѣшенью приглашаютъ;
Записки древности, архивы разбираютъ;
Газеты даже всѣ о буквахъ говорятъ;
Ребята всѣ объ нихъ и старики твердятъ;
Но мрачность древности никто не проницаетъ.
Царь, наконецъ, хотѣлъ ихъ глупость обличить:
Всѣмъ приказалъ къ себѣ своимъ ученымъ быть,
И заданныя самъ имъ буквы объясняетъ.
Весь смыслъ неразрѣшимыхъ словъ
Былъ тотъ: *здѣсь водопойословъ.*

XC.

Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ
И что вобще того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго отмѣнно почитаютъ,
Затѣмъ, что съ знаніемъ такихъ людей считаютъ;
И смотря на другихъ, онъ сына то-жъ послать
Учиться за море рѣшился:
Онъ отъ людей любилъ не отставать,
Затѣмъ, что былъ богатъ. Сынъ сколько-то учился,
Да сколько ни былъ глупъ, глупѣе возвратился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,
И малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, глупости онъ попросту болталъ,
Теперь ученостью онъ толковать ихъ сталъ.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали;
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ,

Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина кажется тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье...»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ», говоритъ, «тебѣ веревка: ухватися.
Я потащу тебя; смотри, не оборвися».
— Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ:
Веревка вещь какая?

Отецъ хоть былъ и не ученъ,
Да отъ природы былъ уменъ.
Вопросъ дурацкій оставляя,
«Веревка вещь», сказалъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ».
— На это-бъ выдумать орудіе другое,
А это слишкомъ ужъ простое.
«Да время надобно», отецъ ему на то:
«А это, благо, ужъ готово».

— А время что?
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди», сказалъ отецъ, «пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?..
Да яма надобна большая!

XCI.

Собака и мухи.

Собака ловитъ мухъ, однако, не поймаетъ
И глупая не разсуждаетъ,
Что муха вѣдь летаетъ
И что поймать ее пустое затѣваетъ.
Лови, собака, то, что сыщешь подъ ногой,
Не то, что надъ твоей летаетъ головой.

XCII.

Дуракъ и тѣнь.

Я видѣлъ дурака такого одного,
Который все гнался за тѣнію своею,
Чтобы поймать ее, да какъ? бѣгомъ за нею.
За тѣнью онъ, тѣнь отъ него.

Изъ жалости къ нему, что столько онъ трудится,
Прохожій дураку велѣлъ остановиться:
«Ты хочешь», говоритъ ему онъ, «тѣнь поймать;
Да ты надъ ней стоишь, а чтобъ ее достать,
Лишь только стоитъ наклониться».
Такъ нѣкто въ счастіи да счастія-жъ искалъ,
И также этому не знаю кто сказалъ:
«Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняясь за нимъ, его теряешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись своимъ желаньемъ
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь».

XCIII.

Хулитель стихотворства.

Бесѣдѣ гдѣ-то быть случилося такой,
Гдѣ занимались тѣмъ иные, что читали
И о наукахъ толковали,
Другіе, что себя шутами забавляли,
Которыхъ привели съ собой:
Къ чему кто склоненъ былъ. Зашло въ бесѣдѣ той
И о стихахъ какихъ-то разсужденье,
Изъ денегъ писанныхъ кому-то на рожденье.
Одинъ въ бесѣдѣ той, охотникъ до шутовъ,
А ненавистникъ всѣхъ наукъ и всѣхъ стиховъ,

Въ углу сидѣвъ, туда-жъ пустился въ разсужденье:
«Да что! и всѣ стихи, хоть вовсе-бъ не писать!»
Другіе на него лишь только посмотрѣли
И какъ бы внутренно, что онъ дуракъ, жалѣли.
Сказавши глупость ту, онъ сталъ еще шпынять
Надъ бывшимъ тутъ однимъ писателемъ достойнымъ
И голосомъ своимъ спросилъ его нестройнымъ:
«И вы вѣдь любите стихи же сочинять?»
«Такъ», отвѣчалъ другой: «люблю стихи писать,
Однако же, не площадные,
А только я пишу такіе,
Гдѣ дураковъ могу сатирой осмѣять».

XCIV.

Остякъ и проѣзжій.

Что и въ умѣ, когда душа
Нехороша?
Народовъ дикихъ насъ глупѣе быть считаютъ,
Да добрыхъ дѣлъ они насъ больше исполняютъ;
А это Остякомъ хочу я доказать
И про него такой поступокъ разсказать,
Который бы его изъ рода въ родъ прославилъ,
А больше подражать ему бы насъ заставилъ.
У Остяка земли чужой наслежникъ *) былъ,

---

*) Наслежникъ — ночлежникъ.

Который отъ него какъ въ путь опять пустился,
То денегъ сто рублевъ дорогой обронилъ
И прежде не хватился,
Пока ужъ далеко отъѣхалъ онъ впередъ.
Какъ быть? назадъ ли воротиться?
Искать ли ихъ? и гдѣ? и кто въ томъ поручится,
Чтобъ ихъ опять найти, а время пропадетъ.
«Давно ужъ, можетъ быть», проѣзжій разсуждаетъ,
«Ихъ поднялъ кто нибудь». И такъ свой путь впередъ
Съ великимъ горемъ продолжаетъ.
Сынъ Остяка, почти что за проѣзжимъ вслѣдъ
Съ двора пошедши за звѣрями,
Идя нечаянно проѣзжаго слѣдами,
Мѣшокъ, который тотъ дорогой обронилъ,
Нашелъ, принесъ къ отцу. Не зная, чей онъ былъ,
Отецъ сберегъ его, съ тѣмъ, ежели случится
Хозяину когда пропажи той явиться,
Чтобы ее отдать.
По долгомъ времени опять
Проѣзжій тою же дорогой возвратился
И съ Остякомъ разговорился,
Что деньги, отъ него онъ ѣхавъ, потерялъ.
«Такъ это ты!» Остякъ отъ радости вскричалъ:
«Я спряталъ ихъ. Пойдемъ со мною,
Возьми ихъ самъ своей рукою».

Въ Европѣ сто рублевъ гдѣ можно обронить
И думать, чтобъ когда назадъ ихъ получить?

XCV.

К о ш к а.

Жить домомъ, говорятъ,—нельзя безъ кошекъ быть.
Домашняя нужда полиція такая
Не меньше, какъ и городская:
Зло надобно вездѣ стараться отвратить.
И взяли кошку въ домъ, чтобы мышей ловить,
И кошка ихъ ловила.
Хозяйка дому, должно знать,
Птицъ разныхъ при себѣ держать
Любила.
Что-жъ? кошка, будучи блудлива тварь, съ мышей
На ловлю птичекъ напустила
И на ряду съ мышами ихъ душила.
За это ремесло свернули шею ей:
«Ты въ домъ взята была», хозяйка говорила,
«Не птицъ ловить,—мышей».

XCVI.

Зайцы и ежъ.

Охотники ежа и зайцевъ изловили
И вмѣстѣ ихъ въ одинъ звѣринецъ посадили.
Что-жъ?

Ежъ,
Ни дай, ни вынеси, на зайцевъ наступаетъ,
Щетину колку напрягаетъ,
То подъ того, то подъ другого скокъ,
И колетъ зайцевъ, и кусаетъ.
Ужъ зайцы отъ ежа и въ уголъ, и въ другой,
Чтобъ только какъ нибудъ укрыться.
Но ежъ какъ тутъ, какъ тутъ, у зайцевъ за пятой,
И бѣднымъ чѣмъ оборониться?
У зайцевъ кожа вѣдь тонка,
А у ежа жестка щетина и колка.
Рѣшилась ихъ судьба:
Ежъ скокъ за зайцами еще съ пригорка въ долъ,
Ударился о сукъ и брюхо распоролъ.

XCVII.

Благой совѣтъ.

Дѣтина молодой, задумавши жениться,
Объ этомъ разсудилъ у старика спроситься,
Какую онъ жену ему присудитъ взять?
«Я, право, самъ, дружокъ, не знаю,
Какой тебѣ совѣтъ подать.
Я вотъ какъ разсуждаю:
Съ которой стороны ни станешь разбирать,
Весьма легко случится
Въ женитьбѣ ошибиться.

Какая хочешь ты, чтобъ за тебя пошла:
Красавица-ль тебѣ, богатая-ль мила,
Иль знатнаго отца чтобъ дочь она была?
Какая для тебя по мыслямъ? я не знаю.
Да вотъ ученую еще я позабылъ...»
«Не то вѣдь, старичокъ, чего я знать желаю:
Я для того тебя спросилъ,
Какую взять жену рѣшиться,
Чтобъ безъ досады съ ней и безъ хлопотъ ужиться».
«А если такъ, то знай: какую ни возьмешь,
Досады и хлопотъ съ женою не минешь».

XCVIII.

Вдова.

Кто нѣжность женъ къ мужьямъ осмѣлится оспорить
Однихъ, чтобъ похвалить, другихъ, чтобы позорить,
И станетъ правиломъ всеобщимъ принимать,
Что будто нѣжности въ женахъ нельзя сыскать,
Съ тѣмъ тотчасъ я готовъ хоть предъ судомъ тягаться,
А мало этого,—на поединкѣ драться.
«Неправда», я скажу,
«Чтобъ нѣжнымъ ужъ женамъ къ мужьямъ не отыскаться»,
И докажу
Противное тому тѣмъ, что я разскажу.

Жена лишилася супруга,
И, думать надобно, лишилась съ нимъ и друга,
Когда и какъ, не знаю я;
Довольно, что жена моя,
Въ отчаяньи такомъ жестокомъ,
Въ унынiи такомъ глубокомъ,
Въ какомъ никто жены другой
Не видывалъ родясь, я чаю, никакой,
Къ могилѣ мужниной по всякiй день приходитъ
И страшный плачъ и вопль надъ мужемъ производитъ
И, словомъ, смертною объемлется тоской.
А тѣ кладбища были
Предъ городской стѣной, гдѣ грѣшниковъ казнили.
Въ то время, какъ вдовы былъ мужъ тутъ погребенъ,
Былъ грѣшникъ тутъ казненъ,
А именно повѣшенъ,
За то, что въ воровствѣ былъ грѣшенъ,
И былъ его стеречь приставленъ часовой.
Въ томъ городѣ обрядъ такой,
Что грѣшниковъ долой, повѣсивъ, не снимаютъ,
А на глаголѣ оставляютъ,
Чтобы воровъ другихъ тѣмъ зрѣлищемъ страшить
И къ воровству бы въ нихъ охоту отвратить.
Вдова моя горюетъ
И надъ могилою и день, и ночь,
Не отходя ни на минуту прочь,
И, злѣе что еще, нарочно голодуетъ,
Чтобы изъ нѣжности къ супругу своему
Послѣдовать скорѣй на тотъ же свѣтъ къ нему.

Стражъ грѣшника сей вопль и горькій плачъ внимаетъ;
Зачѣмъ, кто и о комъ, стражъ грѣшника не знаетъ.
И день, и почь прошли, насталъ ужъ день другой,—
Мой часовой
Узнать о томъ весьма желаетъ
И только ночи онъ скорѣе ожидаетъ,
Затѣмъ что днемъ сойти съ часовъ боится прочь.
Настала ночь.
Пошелъ мой стражъ туда, гдѣ вдовушка рыдала
И часа смертнаго себѣ устроевала.
Сталъ вдовушку служивый унимать,
Чтобъ тосковать она по мужѣ перестала:
«Вѣдь тѣмъ его тебѣ уже не воскресить»,
Служивый сталъ вдовицѣ говорить:
«Ужъ такъ и быть,
Что мужа своего ты милаго лишилась,
А ты къ тому-жъ еще и молода;
Такъ это не бѣда;
Вѣдь мужъ, какъ мужъ: того нѣтъ, наживешь другого,
А можетъ быть, еще такого,
Который лучше и того.
Пожалуй, не скорби лица ты своего
И перестань оплакивать его.
Подумай, годы-то твои еще какіе:
Вѣдь годы самые еще лишь молодые,
Вѣдь ты красу лица совсѣмъ тѣмъ погубишь,
И вовсе тѣло ты и духъ свой изнуришь
И изгрустишься,

И прежде времени красы своей лишишься!»
Проходитъ такъ-то день, проходитъ и другой:
Мой часовой
Съ часовъ по всякій день вдовицу посѣщаетъ
И вдовушку груститься унимаетъ.
И въ истину, моя вдовица начинаетъ
По-мало въ чувство приходить,
То есть ужъ менѣе отчаянною быть,
А если прямо говорить,
Такъ воина уже хотя и не любить,
Однако же, къ нему и не противной быть,
Котораго сперва и видѣть не хотѣла,
Какъ въ первый разъ онъ къ ней пришелъ
И отъ отчаянья ее унять хотѣлъ:
Такую стража рѣчь власть надъ вдовой имѣла.
Когда же воинъ сей вдовицу посѣщалъ
И, должность позабывъ, ее лишь утѣшалъ
И плакать унимать старался,
Въ бѣду было мой часовой попался.
На висѣлицѣ воръ повѣшенный пропалъ:
Какой-то воръ подкрался
И вора съ висѣлицы снялъ.
Мой часовой встужился и взметался,
Почти въ удавку лѣзетъ самъ.
И въ истину бы быть великимъ хлопотамъ,
Когда-бъ со вдовушкой да ты не подружился.
Безъ памяти къ вдовѣ мой часовой бѣжитъ.
«Погибъ я и пропалъ!» вдовѣ онъ говоритъ:
«Подумай, грѣшника вѣдь у меня стащили!

Пропала голова моя!
Куды гожуся я?
Навѣкъ теперь меня злодѣи погубили!
Куды теперь, куды несчастный я поспѣлъ?
А все, что я унять твою тоску хотѣлъ...»
Вдова о семъ его несчастіи встужилась;
Да какъ помочь и что начать?
А помощи нельзя служивому не дать:
Добро добромъ и надлежитъ воздать.
Да какъ? Кто можетъ отгадать
И въ дѣлѣ томъ совѣтъ какой нибудь подать,
Чтобы хлопотъ всѣхъ миновать?
Читатель! слушай же, что я хочу сказать.
Вдовѣ мой воинъ такъ вѣщаетъ:
«Позволь мнѣ мужа ты покойнаго отрыть,
На мѣсто грѣшника его чтобъ помѣстить,
Когда хоть мало ты да обо мнѣ жалѣешь.
И искру нѣжности къ несчастному имѣешь;
За что тебя
Въ знакъ благодарности возьму я за себя».
«Что мнѣ ты говорить, жестокій, смѣешь?
Мнѣ-ль тѣнь покойнаго толико оскорбить
И до ругательства такого допустить?
Что станутъ люди говорить?
Нѣтъ, не ласкайся тѣмъ: тому не можно быть».
Но дѣло, въ истину, на шутку не походитъ,
И до того доходитъ,
Чтобъ стражу самому на висѣлицѣ быть,
Затѣмъ что допустилъ онъ грѣшника стащить.

Мой воинъ выть,
Грустить...
Вдова, другого тутъ не видя средства,
Къ спасенію отъ бѣдства,
Сказала воину: «Что дѣлать мнѣ съ тобой?
Твори, что хочешь ты, съ покойнымъ и со мной,
Да только лишь его скорѣе ты отрой;
Но чтобъ глаза мои того бы не видали,
И люди бы тебя при томъ бы не застали!»
Тащатъ покойника уже изъ гроба вонъ...

XCIX.

Путешествіе льва.

Одинъ какой-то левъ когда-то разсудилъ
Все осмотрѣть свое владѣнье,
Чтобъ видѣть свой народъ и какъ они живутъ.
Левъ этотъ, должно знать, былъ лучше многихъ
львовъ —
Не тѣмъ, чтобъ онъ щадилъ скотовъ
И кожи съ нихъ не далъ; нѣтъ, кто бы ни попался,
То-жъ спуску не было. Но добрымъ отъ считался,
Затѣмъ что со звѣрей хоть самъ онъ кожи далъ,
Да обдирать промежъ собой не допускалъ:
Всякъ доступъ до него имѣлъ и защищался.
И впрямь, пусть левъ одинъ ужъ будетъ кожи драть,
Когда бѣды такой не можно миновать.

Природа, говорятъ, ужъ будто такъ хотѣла
И со звѣрей другихъ льву кожи драть велѣла.
И такъ левъ этотъ объявилъ,
Чтобъ съ нимъ и дворъ его готовъ къ походу былъ.
Исполнено велѣнье,
И весь придворный штатъ
Для шествія со львомъ былъ взятъ, —
Штатъ, разумѣется, какой при львѣ бываетъ,
А не какой султана провожаетъ:
Придворный штатъ людскихъ царей совсѣмъ другой,
Да только и при львѣ былъ штатъ большой.
Что̀ знаютъ при дворѣ, то знаютъ и въ народѣ:
Лишь только сказано придворнымъ о походѣ,
Ну вѣсть они скорѣе разсылать,
Кумъ къ куму, къ свату сватъ курьеровъ отправлять:
«Левъ будетъ къ вамъ, смотрите,
Себя и насъ поберегите».
Придворнымъ иногда
Съ уѣздными одна бѣда:
Вѣдь связи разныя между людьми бываютъ.
Тотъ, кто со стороны тревоги всѣ видалъ,
Когда прибытія царя гдѣ ожидаютъ,
Ихъ знаетъ. Да и я не разъ при томъ бывалъ,
Какъ, напримѣръ, въ тюрьму обиженныхъ сажали,
Чтобъ, сидя тамъ, своей обиды не сказали;
Иному,—чтобы промолчалъ,—
Противъ того, чего изъ взятокъ получили,
Вдвойнѣ и втрое возвратили,
И тысячи такихъ, и хуже этихъ дѣлъ:

Всякъ видъ всему давалъ такой, какой хотѣлъ,
Бездѣльства всѣ свои бездѣльствомъ прикрывали.
Со львомъ, ни дать, ни взять,
Все это дѣлали, да на звѣрину стать,
И все такъ гладко показали,
Какъ будто ничего. Куда онъ ни зайдетъ,
Вездѣ и все какъ водится найдетъ.
Считая, что онъ все въ исправности нашелъ,
Доволенъ левъ домой съ походу возвратился...
(И льву старому, своему отцу, ну разсказывать свое путешествіе съ превеликимъ удовольствіемъ. Старый левъ все слушалъ).

Ну», говоритъ ему потомъ: «такъ ты считаешь,
Что все, что видѣлъ, ты въ исправности нашелъ?
Однако, ты себя напрасно утѣшаешь.
И я бывало, такъ какъ ты теперь, считалъ
(Когда еще не столько зналъ),
Что въ настоящемъ мнѣ все видѣ показали.
Да разсуди ты самъ: приходъ узнавши львовъ,
Кто будетъ простъ таковъ,
Чтобъ шалости не скрыть, какъ ихъ тебѣ скрывали?
Желая прямо все и видѣть, и узнать,
Большого штата левъ съ собой не долженъ брать».

С.

Два волка.

Два волка при одномъ какомъ-то львѣ служили
И должности они, и милости носили.
Одинъ, однако, волкъ все-на-все быть хотѣлъ
И нетерпѣлъ,
Что наравнѣ съ своимъ товарищемъ считался.
Онъ всѣми силами старался
Товарища у льва въ немилость привести,
Надѣяся до этого дойти
То тою,
То другою
На волка клеветою.
Левъ видѣлъ это все, однако, все молчалъ,
Съ тѣмъ, до чего дойдетъ, а сверхъ того считалъ:
Какъ волка клевета безъ дѣйства остается,
Волкъ больше клеветать устанетъ и уймется
(А этотъ левъ, какъ всякъ о томъ извѣстенъ былъ,
Наушниковъ держать и слушать не любилъ).
Неймется волку: все приходитъ
И на товарища то то, то это взводитъ.
Наскучивъ наконецъ левъ волчьей клеветой,
«Постой» же, думаетъ: «я сдѣлаюсь съ тобой!
Ты хочешь клеветой подбиться,
Чтобы товарища въ немилость привести
И милости одинъ нести,

На самого-жъ тебя немилость обратится».
И тотчасъ повелѣнье далъ,
Чтобъ волкъ, котораго другой оклеветалъ,
За службу получилъ двойное награжденье
И должность лучше той, какую исправлялъ,
Тому же, сверхъ своей, другую должность далъ,
Сославши отъ двора подъ строгое смотрѣнье.
Я-бъ послѣ этого придворнымъ всѣмъ сказалъ
Какъ маленькихъ дворовъ, такъ и большихъ: «Смотрите!
Чтобъ съ волкомъ не имѣть вамъ участи одной,
Другъ на друга не клевещите,
А вы частехонько живете клеветой».

CI.

Песъ и львы.

Какой-то песъ ко львамъ въ ихъ область жить попался,
Который хоть про львовъ слыхалъ,
Однако никогда въ глаза ихъ не видалъ,
А менѣе того ихъ образъ жизни зналъ.
Песъ видитъ, что у львовъ коварна жизнь идетъ:
Ни дружбы межъ собой, ни правды львы не знаютъ,
Другъ друга съ виду льстятъ, а внутренно терзаютъ.
Привыкнувъ жить межъ псовъ одною простотой,
Не зная ни коварствъ, ни злобы никакой,

Дивится жизни таковой
И разсуждаетъ самъ съ собой:
Хоть псы между собой грызутся
И то-жъ, случится, подерутся,
Однако, впрочемъ жизнь у нихъ
Безъ, всѣхъ коварствъ и мыслей злыхъ,
Не какъ у львовъ. Пса жизнь такая раздражаетъ,
Жилище львовъ онъ покидаетъ.
Песъ прибѣжавъ домой, разсказываетъ псамъ:
«Нѣтъ, наказаніе достаться жить ко львамъ,
Гдѣ каждый часъ одинъ другого радъ убить.
А вся причина та (когда у львовъ спросить):
Левъ всякій хочетъ львищемъ быть».

CII.

Два льва сосѣда.

Два льва, сосѣди межъ собой,
Пошли другъ на друга войной,
За что, про что—никто не знаетъ;
Такъ имъ хотѣлось, говорятъ.
А сверхъ того, когда лишь только захотятъ,
Какъ у людскихъ царей бываетъ,
Найдутъ причину не одну,
Чтобъ завести войну.
Итакъ одинъ изъ этихъ львовъ
Другого полонилъ и область и скотовъ.

Привычка и предубѣжденье
Свое имѣютъ разсужденье.
Хотя, какъ слышалъ я о томъ,
Житье звѣрямъ за этимъ львомъ
Противу прежняго ничѣмъ не хуже стало
(Не знаю, каково прошедшее бывало),
Однако каждый звѣрь все тайнымъ былъ врагомъ,
И только на умѣ держали,
Какъ это сдѣлать и начать,
Чтобъ къ старому попали
Отъ новаго опять.
Какъ все идетъ своей на свѣтѣ чередою,
Оправясь, старый левъ о томъ сталъ помышлять,
Войною возвратить, что̀ потерялъ войною.
Лишь только случай измѣнить
Льву звѣри новому сыскали,
Другого случая не ждали:
Ягнята, такъ сказать, волками даже стали.
Какую-жъ пользу левъ тотъ прежній получилъ,
Что на другого льва войною онъ ходилъ?
Родныхъ своихъ, друзей, воюя, потерялъ,
А этихъ для себя не въ прокъ завоевалъ.
Вотъ какова война: родное потеряй,
А что завоевалъ, своимъ не называй.

CIII.

Народъ и идолы.

На простяковъ всегда обманщики бывали
Равно въ старинныя и въ наши времена,
Ухватка только не одна,
Какую обмануть народъ употребляли,
А первыхъ на обманъ жрецовъ
Бывало въ старину считали.
Отъ нашихъ нынѣшнихъ головъ
Обмановъ столько нѣтъ: умнѣе люди стали.
А чтобъ обманывать народъ,
Жрецовъ былъ первый способъ тотъ,
Что разныхъ идоловъ народу вымышляли:
Вездѣ, гдѣ ни былъ жрецъ, и идолы бывали.
Народъ, о коемъ я теперь заговорилъ,
Обманутъ точно тѣмъ же былъ.
Жрецъ, сдѣлавъ идола и принося моленье,
Ему на жертвоприношенье
Давать и приносить народу предписалъ
Все то, что напримѣръ и самъ бы жрецъ желалъ:
Жрецовъ и идоловъ всегда согласно мнѣнье,
Не такъ, какъ то у насъ бываетъ межъ судей,
Что противъ разума и истины вещей
Не могутъ иногда, гдѣ должно, согласиться.
Но, чтобы къ идолу опять намъ возвратиться:
Сперва народу данъ одинъ лишь идолъ былъ;

Потомъ ужъ идолъ народилъ
Еще, да и еще, и столько прибывало,
Что наконецъ числа не стало.
Какъ это разумѣть, что идолъ могъ родить?
Объ этомъ надобно самихъ жрецовъ спросить.
Такія ли еще ихъ чудеса бывали?
Жрецы на жерновахъ водою разъѣжали;
Такъ мудрено-ль, когда ихъ идолы рожали?
По-моему, такъ мой простой разсудокъ тотъ:
Въ дѣяніяхъ жрецовъ не должно сомнѣваться,
А слѣпо вѣровать: отъ нихъ все можетъ статься.
Чѣмъ болѣе семья, тѣмъ болѣе расходъ;
Тащитъ со всѣхъ сторонъ для идоловъ народъ
И ѣсть, и пить, и одѣваться,
Наряды разные ихъ лику украшаться.
А у народа все какой и былъ доходъ,
Съ часу на часъ народъ становится бѣднѣе,
А жертвы идоламъ съ часу на часъ знатнѣе.
Народъ сей наконецъ отъ идоловъ дошелъ,
Что пропитанья самъ почти ужъ не имѣлъ.
Сперва повольно дань жрецы съ народа брали,
Потомъ ужъ по статьямъ народу предписали,
Поскольку идоламъ чего съ души давать.
Народъ сей, съ голоду почти что помирая,
Сосѣдовъ сталъ просить, чтобъ помощь имъ подать,
Свою имъ крайность представляя.
«Да какъ», сосѣди имъ сказали,
«До крайности такой дошли,
Вы, кои-бъ хлѣбомъ насъ ссудить еще могли?

Земля у васъ всегда богато урожала,
А нынѣ развѣ перестала?
Иль болѣе у васъ трудиться не хотятъ?».
«Нѣтъ, все родитъ земля какъ прежде, говорятъ,
«И мы трудимся то-жъ, какъ прежде», отвѣчаютъ,
«Да боги наши все съѣдаютъ».
— Какъ? боги есть у васъ, которые ѣдятъ?
«Такъ наши намъ жрецы сказали
И сверхъ того намъ толковали:
Чѣмъ больше боги съ насъ возьмутъ,
Тѣмъ больше намъ опять дадутъ».
— Васъ должно сожалѣть, а болѣе смѣяться,
Что вы на плутовство жрецовъ могли податься.
Не боги хлѣбъ у васъ,—жрецы его ѣдятъ.
И если впредь опять того же не хотите,
Такъ отъ себя жрецовъ вы напередъ сгоните,
А идоловъ своихъ разсѣйте и сожгите.
У насъ одинъ лишь Богъ, но Тотъ не съ насъ беретъ
А напротивъ того, нашъ Богъ все намъ даетъ.
Его мы Одного лишь только прославляемъ,
По благостямъ однимъ о Немъ мы воображаемъ,
А видъ Ему не можемъ дать».—
Рѣшился ли народъ отстать
Отъ закоснѣлаго годами заблужденья,
Отъ идоловъ своихъ и жертвоприношенья,
Еще объ этомъ не слыхать.

CIV.

Муха и паукъ.

Въ прекрасномъ зданіи одномъ,
Великолѣпномъ и большомъ,
Въ которомъ все искусствомъ поражало
И столько-жъ простотой своей прельщало,
На камнѣ муха засѣдала
И размышляла
Такъ, какъ бы напримѣръ ученый размышляетъ,
Когда глубокую задачу разбираетъ.
А что у мухъ всегда видъ пасмурный бываетъ
И часто голова ногою подперта
И бровь насуплена, тому причина та,
Что много мухи разумѣютъ
И въ глубину вещей стараются входить,
А не одни вершки учености схватить.
Премудрой мухѣ, здѣсь сидящей въ размышленьи,
Въ такомъ же точно быть случилось положеньи.
Нахмуря плоскій лобъ полдюжиной морщинъ
Въ исканіи вещамъ и бытіямъ причинъ,
«Хотѣлось бы мнѣ знать», сказала:
«Строенье это отчего?
И есть ли кто нибудь, кто сотворилъ его?
По-моему, какъ я объ этомъ разсуждала,
То кажется, что нѣтъ; и кто бы это былъ?».
«Искусство», пожилой паукъ ей говорилъ,

«Все, что ты видишь, сотворило;
А что искусство это было,
Свидѣтельствуетъ въ томъ порядокъ всѣхъ частей
Тобою видимыхъ вещей».
«Искусство?» муха тутъ съ насмѣшкой повторила:
«Да что искусство-то?» спросила,
«И отъ кого оно? Нѣтъ, нѣтъ, я, размышляя,
Другого тугъ не нахожу,
Какъ то, что это все лишь выдумка пустая!
А развѣ я тебѣ скажу,
Какъ это зданіе и отчего взялося:
Случилось нѣкогда, что собственно собой
Здѣсь мелкихъ камушковъ такъ много собралося,
Что камень оттого составился большой,
Въ которомъ оба мы находимся съ тобой:
Вѣдь это очень ясно мнѣнье!»
Такое мухи разсужденье,
Какъ мухѣ, можно извинить,
Но что о тѣхъ умахъ великихъ заключить,
Которые весь свѣтъ случайнымъ быть считаютъ
Со всѣмъ порядкомъ тѣмъ, который въ немъ встрѣчаютъ,
И лучше въ немъ судьбѣ слѣпой подвластны быть,
Чѣмъ Бога признавать, рѣшились,
Ихъ, кажется, ничѣмъ не можно извинить,
Какъ только тѣмъ однимъ, что разума лишились.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Писатель	17
II.	Конь и оселъ (изъ Геллерта) . . .	18
III.	Умирающій отецъ (изъ Геллерта). .	19
IV.	Дерево	20
V.	Пожилой гадатель	22
VI.	Скворецъ и кукушка (изъ Геллерта).	23
VII.	Обозъ	24
VIII.	Отецъ и сынъ его	—
IX.	Два сосѣда	25
X.	Тѣнь мужа и Харонъ	27
XI.	Мужикъ и корова	29
XII.	Кощей (изъ Геллерта).	30
XIII.	Крестьянинъ съ ношею	31
XIV.	Два семейства (изъ Обера)	32
XV.	Земля хромоногихъ и картавыхъ (изъ Геллерта)	34
XVI.	Строитель	35
XVII.	Совѣтъ старика (изъ Геллерта) . .	36
XVIII.	Хозяинъ и мыши.	37
XIX.	Лжецъ	39
XX.	Бояринъ аѳинскій	41
XXI.	Баронъ (изъ Геллерта)	42
XXII.	Медвѣдь-плясунъ (изъ Геллерта) . .	44

		стр.
XXIII.	Орлы (изъ Дора)	46
XXIV.	Усмирительный способъ (изъ Геллерта).	49
XXV.	Ребята своевольные	50
XXVI.	Левъ, учредившій совѣтъ	52
XXVII.	Пустомеля (изъ Геллерта)	53
XXVIII.	Конь верховой (изъ Геллерта) . . .	54
XXIX.	Оселъ невѣжа	55
XXX.	Счастливый мужъ (изъ Геллерта) .	56
XXXI.	Богачъ и бѣднякъ	58
XXXII.	Львиный указъ (изъ Лафонтена) . .	60
XXXIII.	Заяцъ, обойденный при произвожденіи.	61
XXXIV.	Дворовая собака	62
XXXV.	Великанъ и карлики	64
XXXVI.	Волчье разсужденіе	65
XXXVII.	Желаніе кощея.	66
XXXVIII.	Паукъ и мухи	67
XXXIX.	Черви	68
XL.	Привязанная собака	69
XLI.	Хитрецъ (изъ Геллерта).	—
XLII.	Соловей и вороны	71
XLIII.	Оплошалая лисица	73
XLIV.	Птичникъ и птичка	74
XLV.	Домовой (изъ Геллерта)	75
XLVI.	Слѣпцы	77
XLVII.	Друзья	79
XLVIII.	Западня и птичка.	80
XLIX.	Заслуженный конь	81
L.	Зеленый оселъ (изъ Геллерта) . . .	82
LI.	Соловей и чижъ (изъ Геллерта) . .	84
LII.	Лошадь съ возомъ	85
LIII.	Попугай	—
LIV.	Лошадь и оселъ (изъ Лафонтена). .	87

		стр.
LV.	Два купца	88
LVI.	Счастливое супружество (изъ Геллерта).	89
LVII.	Стряпчій и воръ (изъ Геллерта) . .	91
LVIII.	Два богача	93
LIX.	Стрекоза (изъ Лафонтена)	95
LX.	Діонисій и министръ его	96
LXI.	Лѣстница	97
LXII.	Благодѣяніе (изъ Геллерта)	98
LXIII.	Дѣлежъ львиный (изъ Лафонтена). .	99
LXIV.	Воля и неволя (изъ Лафонтена) . .	100
LXV.	Оселъ, приглашенный на охоту. . .	103
LXVI.	Праздникъ деревенскій	105
LXVII.	Стадникъ	106
LXVIII.	Воинъ.	107
LXIX.	Муравей и зерно.	108
LXX.	Лѣнивые и ретивые кони	109
LXXI.	Куры и галка	110
LXXII.	Невѣжество и скупость	111
LXXIII.	Имѣніе и ссора	—
LXXIV.	Добрый царь.	113
LXXV.	Домъ	—
LXXVI.	Лисица и сорока (изъ Геллерта) . .	115
LXXVII.	Услуга	117
LXXVIII.	Перепелка съ дѣтьми и крестьянинъ (изъ Лафонтена)	118
LXXIX.	Привилегія	121
LXXX.	Поборъ львиный	123
LXXXI.	Слѣпой левъ	124
LXXXII.	Стрѣлка часовая (изъ Ножана) . .	125
LXXXIII.	Оселъ въ уборѣ	127
LXXXIV.	Левъ сватъ	128
LXXXV.	Пчела и курица	130
LXXXVI.	Вдова	132

		стр.
LXXXVII.	Чужая бѣда	133
LXXXVIII.	Статуя	—
LXXXIX.	Буквы	134
XC.	Метафизикъ	136
XCI.	Собака и мухи	138
XCII.	Дуракъ и тѣнь	—
XCIII.	Хулитель стихотворства	139
XCIV.	Остякъ и проѣзжій	140
XCV.	Кошка	142
XCVI.	Зайцы и ежъ	—
XCVII.	Благой совѣтъ	143
XCVIII.	Вдова	144
XCIX.	Путешествіе льва	149
C.	Два волка	152
CI.	Песъ и львы	153
CII.	Два льва сосѣда	154
CIII.	Народъ и идолы	156
CIV.	Муха и паукъ	159

V. 39
30 ч

BOUND BY
HNM

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 066762052